

ИСТОРИЯ НАУКИ

О.В. ШАРОВ

О КОНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ БОЛЬШОГО КУРГАНА ВАСЮРИНСКОЙ ГОРЫ

Большой курган, которому посвящена данная статья, расположен на возвышенности, имевшей в XIX веке название «Васюринская гора». Только так называют ее в своих рапортах и отчетах член Императорской Археологической комиссии барон В. Г. Тизенгаузен и директор Керченского музея древностей А. Е. Люценко, проводившие на ней раскопки в 1868-1872 гг. «Васюринская гора» находится в 15 км к юго-востоку от Тамани и в 4-х км от поселка Приморский (рис. 1), расположенного на берегу Таманского залива [Власова, 2004а, с. 158]. В книге К. К. Герца «Археологическая топография Таманского полуострова» дано еще два названия этой возвышенности: «Ас-содаг» или «Кирпина гора» [Герц, 1870, с. 64; Власова, 2004а, с. 158]. Площадь вершины и склоны горы в той части, где находятся интересующие нас памятники, раньше принадлежали к числу казацких земель, но в конце XIX в. они были проданы мещанину Черкову, и с тех пор появилось еще одно название, сохранившееся до настоящего времени – «Черкова гора».

На «Васюринской горе» было обнаружено пять курганов: на самой высокой точке в восточной части — Большой курган, западнее — два средних и два малых. В июле 1868 г. начались раскопки самого известного из Васюринских курганов — Большого кургана или кургана № 1. Высота кургана составляла 10,65 м, диаметр — 34 м [Ростовцев, 1914б, с. 32; Власова, 2004а, с. 159]. В ходе работ 1868 года был открыт каменный склеп с полуциркульным сводом. В 1869 году был обнаружен вход в погребальную камеру и интересующие нас конские захоронения. Так как эта информация в разных изданиях, посвященных описанию именно этих погребений, весьма противоречива, приведем ее максимально полно, начиная с краткой информации в Отчете Археологической Комиссии, которая была написана основным исследователем комплекса — В.Г. Тизенгаузен: «Продолжая начатое в 1868 году расследование кургана на «Васюринской горе», г. Тизенгаузен открыл в нем широкую каменную лестницу, ведущую к опущенному в материк роскошному, но уже разоренному склепу, открытому в прошлом году в этом кургане (рис. 2). На верхней площадке двух отвесных стен, возвышающихся по обе стороны этой лестницы, оказались четыре каменные гробницы, по две с каждой стороны, заключавшие в себе по одному лошадиному остову. Головы коней были

украшены круглыми и овальными бронзовыми позолоченными бляхами, в которые вставлены белые матовые стекла, серебряными с позолотой удилами и принадлежащими к ним железными мундштуками и кольцами. На одном коне находился род хомута, состоящий из широкой бронзовой, узорчатой пластины, к которой местами были привешены на цепочках полусогнутые, продолговатые привески, а у двух коней найдено по железному, обтянутому листовым золотом, налобнику в виде головы грифона, чрезвычайно сходному с конскими налобными украшениями, встречающимися в так называемых Скифских курганах на Днепре. У нижней ступени лестницы, т.е. у самого входа в склеп, оказались остов собаки и бронзовое кольцо с обломками бронзовой цепочки, к которой это животное, вероятно, было прикреплено» [ОАК, 1869, с. VIII].

Можно видеть, что в тексте отчета речь идет о захоронении 4-х лошадей в 4-х каменных гробницах, причем на одном коне был «род хомута, состоящий из широкой бронзовой, узорчатой пластины, к которой местами были привешены на цепочках полусогнутые, продолговатые привески» (рис. 4-5), на втором и третьем было «найден по железному, обтянутому листовым золотом, налобнику в виде головы грифона» (рис. 3-4). Некоторая путаница возникает только с описанием погребения четвертого коня. В тексте отчета сказано, что головы коней были украшены: 1. «круглыми и овальными бронзовыми позолоченными бляхами, в которые вставлены белые матовые стекла»; 2. «серебряными с позолотой удилами и принадлежащими к ним железными мундштуками и кольцами»; т.е. здесь идет перечисление разных типов вещей у разных коней. Из данного текста следует, что на четвертом коне были круглые и овальные бронзовые позолоченные бляхи-фалары (рис. 3. 1, 2), а у другого коня или коней также были серебряные с позолотой удила с принадлежащими к ним железными мундштуками и кольцами (рис. 3. 5). Вероятно, именно эта путаница в описаниях конских захоронений привела М. И. Ростовцева к совершенно особым выводам в отношении данных комплексов, которые нашли выражение в его фундаментальном труде «Античная декоративная живопись на юге России» [Ростовцев, 1914б].

Для копирования красочной живописи на стенах погребальной камеры и снятия плана в 1908 году склеп, по просьбе М. И. Ростовцева, был вскрыт, но тогда была очищена от земли «только главная камера склепа, дромос его и коридор перед ним не были расчищены, так как при очистке склепа выяснилось, что стены коридора, а также, *вероятно, входная его стена и лестница перед ней были разрушены* (здесь и далее курсивом все выделено автором – О.Ш.) окрестными жителями, увезшими камень для своих построек (вероятно, для постройки хутора мещанина Черкова)» [Ростовцев, 1914б, с. 31]. Получается, что при вскрытии кургана в 1907 году В. В. Шкорпил [Шкорпил, 1910, с. 47] и при последующем вскрытии в 1908 году М.И. Ростовцевым, вход в камеру и соответственно каменные ящики не расчищались, так как и М. И. Ростовцев, и В. В. Шкорпил были уверены, что эта

часть склепа была полностью разрушена. В итоге, проверить слабо документированные данные раскопок 1869 года исследователям не удалось. Именно поэтому М.И. Ростовцев писал следующее: «Раскопки 1869 года, поведшие к открытию входа в склеп, описаны, к сожалению, *чрезвычайно суммарно, плана и промеров сделано не было*. Для описания его поэтому приходится довольствоваться *несколькими строками в печатном отчете* [ОАК, 1869, с. VIII], *и рисунком*, сделанным при открытии бароном М. П. Клодтом, заменявшим в этом году заболевшего Гросса» [Ростовцев, 1914б, табл. XII, 3].

Далее М. И. Ростовцев приводит *исправленное им самим* описание, взятое из текста Отчета: «К двери входного коридора склепа вела, судя по этим данным, широкая каменная лестница в семь ступеней, охваченная по обе стороны высокими каменными стенами, доходившими до пяты свода входного коридора. К верхним квадратам этих стен и к верхней части фасадной стены коридора были пристроены *два каменных ящика* из больших плит, крытые каждый тремя плитами. Ящики эти заключали в себе четыре лошадиных погребения, из которых *только одно оказалось нетронутым*» [Ростовцев, 1914б, с. 31]. Далее, при описании самих конских погребений, он вновь пишет, что «из четырех конских гробниц *одна или, лучше сказать, одна четвертая часть совместного погребения четырех лошадей* (квадрига, везшая погребальную колесницу покойника?) *оказалась не разграбленной*» [Ростовцев, 1914б, с. 40]. Если с первым уточнением М.И. Ростовцева о двух каменных ящиках, а не о четырех, как в тексте ОАК, глядя на рисунок М.П. Клодта (рис. 2), можно согласиться, то со вторым уточнением, что только одно конское погребение оказалось нетронутым, возникают большие трудности. Из текста, представленного для издания в «ОАК», этого никак не следует, и В.Г. Тизенгаузен сделал описания, по моему мнению, всех четырех конских погребений. Следовательно, у М.И. Ростовцева были какие-то свои и неизвестные, увы, основания для такого утверждения.

После описания всех вещей, найденных, как полагал этот исследователь, в одном сохранившемся конском погребении, он резюмировал свои выводы следующим образом: «*Весь этот набор лошадиной утвари очень характерен и типичен*. Рядом с орнаментами и украшениями чисто греческого типа (напр., головы грифонов и орнаменты круглых бляшек) мы имеем большое изобилие стекла, что обыкновенно считается признаком римского времени, и типичную галыштатскую обивку с колокольцами и полумесяцами. Тем не менее, *я с полной уверенностью могу утверждать, что наши конские гробницы одновременны с постройкой склепа*. Прежде всего, в архитектурном отношении они – необходимая составная часть всего склепа, как такие же конские погребения при втором склепе. Затем, *весь стиль и состав набора, вся техника украшения конской сбруи совершенно одинаковы со стилем и т.д. конских погребений Александропольского, Чертомлыцкого, Серогозских и других одновременных курганов, датируемых*

с достаточной точностью временем между второй половиной III в. и началом II века до Р. Хр.» [Ростовцев, 1914б, с. 42].

Сомнения М. И. Ростовцева при описании предметов из конского захоронения очевидны, здесь присутствует «большое изобилие стекла, что обыкновенно считается *признаком римского времени, и типично гальштатская* обивка с колокольцами и полумесяцами!»! Тем не менее на его хронологические выводы, несомненно, повлияли два следующих момента: 1. каменные ящики по сторонам входа были возведены одновременно с лестницей, ведущей в коридор и «в архитектурном отношении они необходимая и составная часть всего склепа»; 2. налобники с головами грифонов (в его описании: «два железных золоченых языка, верхушка которых украшена головами грифонов» и стержневидные псалии (в описании: «четыре железных золоченых удила с зубчатыми шариками на концах»), несомненно, указывали на достаточно раннюю дату этого комплекса, а, следовательно, при допущении, что это одно конское захоронение, и остальные вещи также должны датироваться тем же временем. Исходя из одновременности строительства склепа и каменных ящиков у входа в дромос, а также даты отдельных четко датируемых вещей из конских захоронений (налобники и псалии), М.И. Ростовцев отнес конское захоронение ко второй половине III – началу II в. до н.э. При этом автор ни разу в тексте не усомнился в том, что все вещи могут принадлежать к разным конским погребениям, и, поэтому, по логике текста, в одном погребении коня были найдены *два налобника (!) и четыре псалия (!)*, а также набор из семи круглых бронзовых блях со вставками стекла и части бронзового нагрудника. Исследователь смог частично исправить свою ошибку только в монографии «Скифия и Боспор», вышедшей в Петрограде в 1925 году, но сданной в печать еще до его отъезда за рубеж в 1918 году.

В этой монографии он писал следующее: «Отмечу, что *убор лошадей I Васюринского расписного погребения относится к одному из вторичных погребений в этой богатой гробнице*. С датой росписи и найденных чернолаковых сосудов совершенно не вяжутся *значительно более поздние фалары, украшенные стеклом, особенно посеребренные бронзовые кольца с зажимами для ремней, типичных начиная с конца II века*. Несомненно, что каменные саркофаги для лошадей перед входом в гробницу сооружены одновременно с основным склепом, но здесь оно было разграблено, может быть, вскоре после погребения, так что более поздние гости нашли их пустыми. При вторичном использовании гробницы использованы были и лошадиные саркофаги, причем одно из погребений было пропущено и инвентарь достался нам в руки. Возможно, что и вообще *при вторичном погребении были использованы не все 4 каменных ящика, а только один*» [Ростовцев, 1925, с. 373]. Можно видеть, что с одной стороны М.И. Ростовцев признал то, что инвентарь из погребений склепа и инвентарь из конских погребений не одновременен, и конские погребения связаны со вторичным

использованием склепа, судя по его тексту, не ранее II века н.э. Далее же в описаниях этого автора снова можно видеть путаницу. Судя по этой краткой заметке, М.И. Ростовцев полагал, что каменные ящики у входа были разграблены вскоре после погребения и при вторичном использовании склепа были совершены новые конские захоронения, причем опять же речь идет о захоронении лишь *одного коня в одном из 4-х каменных ящиков!* Можно видеть, что и в этом случае, признавая вторичность использования каменных ящиков, М.И. Ростовцев впадает в другую крайность, относя более ранние вещи (псалии и налобники) к более позднему – римскому времени. Собственно говоря, причина этого не совсем ясна, и, если бы М.И. Ростовцев не писал в своих работах лишь об одном дошедшем до нас конском погребении из этого кургана, то можно было бы все уже давно расставить на свои места.

Еще в 1949 году В.Ф. Гайдукевич в «Боспорском царстве» писал следующее: «Вход в склеп сделан в виде широкого спуска-лестницы, ведущей к входу в сени, вестибюль, за которым следует погребальная камера. По обеим сторонам входа, на площадках над стенами, обрамляющими спуск в склеп, оказались каменные гробницы в виде ящиков, покрытых сверху плитами. В этих ящиках были погребены четыре лошади вместе с их парадной богатой сбруей. Значительная часть этих конских захоронений была расхищена грабителями; *нетронутой осталась лишь одна лошадь, сбруя которой и найдена при раскопках.* Головы коней были украшены круглыми и овальными бронзовыми позолоченными бляхами с чеканным орнаментом и накладным стеклом, серебряными с позолотой удилами, железными (обтянутыми листовым золотом) налобниками в виде грифонов» [Гайдукевич, 1949, с. 293-294].

В.Ф. Гайдукевич считал конские погребения одновременными основному захоронению в склепе и относил их к первой половине III века до н.э. (Там же). При этом можно видеть, что в данном описании, со ссылками на тексты В.Г. Тизенгаузена и М.И. Ростовцева, круглые бронзовые фалары со вставками стекла находятся в одном комплексе с налобниками с головами грифонов и стержневидными удилами.

Новые работы, в которых был проведен анализ конских погребений «Васюринской горы», появились только на рубеже тысячелетий, когда вышли работы С. В. Полина [Полин, 1992], А. В. Симоненко [Симоненко, 1999; 2007] и Е. В. Власовой [Власова, 1998; 2004а; 2004б].

С. В. Полин в отношении конских захоронений большого кургана Васюринской горы пишет следующее: «Из лошадиных могил, связанных с древнейшим первым склепом, происходят два железных, покрытых листовым золотом пластинчатых налобника с крючками, оформленных в виде голов грифонов в выразительном скифском зверином стиле (рис. 16. 21). Захоронения лошадей первого склепа М. И. Ростовцев вначале связывал с его первичным использованием, которое датировал по чернолаковой пиксиде и серии других чернолаковых сосудов началом III в. или концом IV – началом III вв. до н.э.

сического скифского звериного стиля и сомневается в том, что в сарматское время такой стиль мог сохраниться. Замечу, что *мастера этого времени могли иметь перед собой образцы такого стиля* – об этом свидетельствует серебряный сосуд этрусского происхождения VII–V вв. до н.э., украшенный, в общем, тождественными головками и найденный в погребении кургана Хохлач конца I в. н.э. [Raev, 1986, p. 15]. Возможно, со временем доказательства этого предположения станут более многочисленными (хотя я уверен, что не массовыми). Кроме того, не лишено оснований замечание С. В. Полина о том, что при обработке материалов из Васюриной горы произошла какая-то путаница [Полин, 1992, с. 64]» [Симоненко, 1999, с. 91].

Из приведенной цитаты можно видеть, что и здесь мы встречаемся с той же ошибкой, идущей от М. И. Ростовцева, когда все вещи считаются происходящими из одного комплекса конского захоронения. В этом случае, конечно, очень трудно совместить несовместимое! Тем не менее А. В. Симоненко с честью выходит из этой щекотливой ситуации и пишет, что позднесарматские мастера *«могли иметь перед собой образцы классического скифского звериного стиля»*, приведя в качестве примера сосуд с головками грифонов VII–V вв. до н.э., найденный в тайнике кургана Хохлач конца I в. н.э. Таким образом можно видеть, что, пытаясь решить проблему хронологии конских захоронений «Васюринской горы» и С. В. Полин, и А. В. Симоненко остались в плену идей М. И. Ростовцева и, к глубокому сожалению, на рубеже тысячелетий не смогли разрубить «Гордиев узел» данной проблемы.

Проблему выделения отдельных комплексов конских захоронений и их хронологии во многом смогла решить хранительница эрмитажной коллекции «Васюринской горы» Е. В. Власова, которая опиралась, прежде всего, на текст В. Г. Тизенгаузена в «ОАК» и на анализ самих вещей [Власова, 1998; 2004а; 2004б]. В первой работе автор пишет следующее: «При раскопках были открыты 4 конские гробницы. На основании найденных в кургане обломков керамики и деталей конской упряжи: *две конские гробницы* (в них найдены налобники с головой грифона) можно датировать нач. III в. до н.э., т.е. временем сооружения склепа; *одну* (из нее происходят фалары со стеклянными вставками) – рубежом 3-й – 4-й четв. III в. до н.э. (этим временем датируются найденные в склепе две ручки, принадлежавшие, по-видимому, одной родосской амфоре с именами эпонима Дамотема и фабриканта Агесила); захоронение в *4-й конской гробнице* было совершено в III в. н.э.» [Власова, 1998, с. 17]. Можно видеть, что Е. В. Власовой впервые были использованы данные о четырех конских погребениях из отчета В. Г. Тизенгаузена и многочисленные вещи из конских погребений разделены ею на 4 отдельных комплекса! Сомнение вызывает только датировка третьей конской гробницы, откуда происходят фалары со стеклянными вставками. Она атрибутируется Е. В. Власовой на основании датировки двух родосских клейм временем вторичного использования склепа на рубеже 3 – 4 четвертей III века до н.э.

Эти клейма впервые были опубликованы Л. Стефани в том же томе ОАКА [ОАК, 1869, с. 195, № 2; с. 210, № 144], а позднее были переизданы Е. М. Придиком [Придик, 1917, с. 8, № 141; с. 21, № 442]. Е. В. Власова датировала эти клейма, опираясь на работу Д. Б. Шелова [Шелов, 1975, с. 19]. Вероятно, автору тогда еще не были известны работы И. В. Яценко [Яценко, 1962, с. 50] и С. В. Полина [Полин, 1992, с. 63-64], в которых была указана иная дата родосских амфор с такими клеймами – около 180 г. до н. э. Датировку одного из этих клейм можно уточнить по работе Г. Финкильштейна, согласно которой такие эпонимы характерны для начала II века до н. э. Эпоним «Δαμόθεμς» относится автором к группе IIIa, и амфоры с таким эпонимным клеймом, по его мнению, начали выпускать не ранее 191 г. до н.э. [Finkielsztein, 2001, Tabl. 19].

Две последующие работы Е. В. Власовой [Власова, 2004а; 2004б] сильно изменили ее старую концепцию и расставили новые акценты в вопросе хронологии отдельных конских захоронений. Она пишет следующее: «В 1869 г. были открыты четыре конских захоронения. В двух из них найдены налобники с головой грифона (длина 10,5 см; *ил. 9*), изготовленные из железа с позолотой, а также псалии в виде дуги с двумя круглыми петлями в середине и шарами на концах (длина 10,2 и 10 см; *ил. 11*), для изготовления которых использовано железо с золотой обкладкой на концах и серебром в середине. Среди находок – три золотых обкладки бус (диаметр 2,8 см), две железные с позолотой пуговицы и фрагмент третьей (диаметр 3,0-3,3 см; *ил. 10*), бронзовые кольца с серебряными петлями (диаметр 4,8 см; *ил. 12*), четыре полуовальные серебряные бляхи с прямоугольным выступом, к которому прикреплены бронзовые пластинки (высота 4,5-5,0 см; *ил. 13*). Среди находок из конских захоронений есть также колокольчик, колпачок, крючок, две звездочки, пуговица, кольцо с выступами (*ил. 15*) и мелкие бронзовые фрагменты. Сравнение деталей конской упряжи, найденных в двух могилах, с находками из других комплексов [Полин, 1992, с. 50-66, рис. 8, 10-12; Симоненко, 1982, с. 237-245] позволяет датировать *два конских захоронения*, в которых найдены налобники с головой грифона и псалии, началом III в. до н. э., то есть *временем сооружения склепа* [Власова, 2004а, с. 280]. В одной из конских могил найдены более поздние по времени овальный (16,5 x 11,8 см) и шесть круглых (диаметр 6,7 см) фаларов с плоскими ободками и вставками из стекла (*ил. 14*), посеребренные бронзовые кольца с зажимами для ремней. Это связано с тем, что при *вторичном употреблении склепа* использовали и лошадиную могилу [Ростовцев, 1925, с. 375]» [Власова, 2004а, с. 165]. Практически не отличается по выводам и ее работа, опубликованная в материалах конференции «Боспорский феномен» 2004 года [Власова, 2004б, с. 279-280].

Нужно отметить, как наиболее важное, что в этих статьях Е. В. Власовой описаны лишь три конских погребения из четырех, и фалары со стеклянными вставками уже относятся ею к погребению *позднесарматского времени*. При этом остались совершенно в стороне бронзовые пластины от нагрудного укра-

шения коня (рис. 4-5). Может быть, именно они и украшали четвертого коня, тем более, что это написано в тексте отчета В. Г. Тизенгаузена. А. В. Симоненко в недавно вышедшей статье, анализируя бронзовые конские нагрудники из Тенгинского могильника и из кургана у с. Острый (рис. 13-14), пишет: «Е.А. Беглова датирует жертвенный комплекс Тенгинского некрополя первой четвертью II в. до н. э. [Беглова, 2002, с. 159], а конское погребение кургана № 1 Васюриной Горы относит к III–II вв. до н. э. [Беглова, 2002, с. 160]. Надо сказать, что традиционная датировка разграбленного склепа этого кургана основана только на находке расписной пиксиды первой половины III в. до н.э. *Одновременность конских захоронений и склепа однозначно не установлена, а в склепе найдены вещи римского времени* [Ростовцев, 1914б, с. 40]. Показательны остальные находки в конской гробнице: псалии, описанные М.И. Ростовцевым под № 4 как «четыре железных золоченых удила с зубчатыми шариками на концах», два позолоченных налобника с крючком в виде головок грифонов, железная, плакированная серебром, перстневидная бляха узды, украшенная чернью и позолотой [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 4, 5, 9]. Подобные детали узды встречаются в некоторых «кладах» II–I веков до н. э. (рис. 17-18): бронзовые С-видные псалии с окончаниями в виде рубчатых (но не зубчатых) шариков – в Веселой Долине [Редина, Симоненко, 2002, с. 91, рис. 3, 1, 2, 6], бронзовые и серебряные перстневидные бляхи – в Снегиревке и Великопоском [Симоненко, 1982, с. 240; Дзис-Райко, Сунничук, 1984, с. 150]. Налобники с головками грифонов не имеют прямых аналогов, но, несомненно, относятся к классу позднескифских налобников «с крючком» III–I вв. до н. э. [Симоненко, 1982, с. 237-245]. Создается впечатление, что псалии и остальной уздечный набор из Васюриной Горы – более изысканный, «парадный» вариант перечисленных аналогов. Уникальны и бронзовые позолоченные фалары со стеклянными вставками [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 1, 2]. Последние – по справедливому замечанию М.И. Ростовцева, характерные для римского времени [Ростовцев, 1914б, с. 42] – указывают на сравнительно *позднюю дату захоронения*. Орнамент в виде «бегущей волны», которым украшены бортики фаларов, часто встречается на шлемах типов Монтефортино и Манхайм II–I вв. до н. э. [Schaaf, 1988, S. 318-322]. Совокупность всех перечисленных признаков и аналогов указывает, скорее, на *II век до н. э.*, как *наиболее вероятную дату* конских захоронений кургана № 1 на Васюриной Горе» [Симоненко, 2007, с. 108-109].

Собственно говоря, автор так и остался в плену старой ошибки М. И. Ростовцева об одном конском захоронении, и поэтому А. В. Симоненко вновь пришлось соединять несоединимое. На этот раз дата комплекса удревилась по сравнению с предыдущей датой на целых пять столетий! При этом типы вещей, которые по М. И. Ростовцеву [Ростовцев, 1925, с. 373], С. В. Полину [Полин, 1992, с. 63-64] и А. В. Симоненко [Симоненко, 1999, с. 91] не могли появиться ранее II в. н.э. (кольца с прямоугольными фасетированными обоями) попали по этой причине *во II в. до н.э.*

Нужно отметить еще один важный момент, что, собственно говоря, А.В. Симоненко взял на вооружение еще одну идею М. И. Ростовцева о том, что время основного погребения в склепе кургана № 1 и время совершения конских захоронений у входа не совпадает, правда, с уточнением С. В. Полина и И. В. Яценко, что вторичное использование склепа произошло во II в. до н. э., а не в III в. н. э., как считал М. И. Ростовцев. В послесловии к знаменитой работе А. М. Хазанова [Хазанов, 2008] А. В. Симоненко вновь коснулся вопроса о дате вторичного использования склепа большого кургана «Васюринской горы». Автор пишет, что «тренозное кольцо с обоймами для ремней и грибовидная подвеска – типичные детали узды второй половины II – начала III в. н. э.» [Симоненко, 2008, с. 257, рис. 2]. Но далее А. В. Симоненко делает из этого очень странные выводы: «Без сомнения, при раскопках была допущена ошибка и находившийся в насыпи позднесарматский комплекс остался незамеченным, либо он был разрушен при ограблении, и *вещи из разновременных погребений смешались в грабительском ходе*» [Симоненко, 2008, с. 257].

Можно допустить, что В. Г. Тизенгаузен или А. Е. Люценко могли не заметить позднесарматский комплекс в насыпи, которую они сняли в 1868 году лишь на 10 %, но трудно согласиться с последующими утверждениями А. В. Симоненко, так как эти детали конской упряжи были найдены в каменных ящиках в конских захоронениях в 1869 году, а не в грабительском ходе, который был зафиксирован только при открытии каменного склепа в 1868 году! На основании имеющихся у нас фактических данных представляется, что, если в кургане и было позднесарматское захоронение, то оно было совершено в самом склепе, и, вероятно, фрагменты мечей с деревянными рукоятями, фрагменты стеклянного сосуда с желобками, фрагменты железной кольчуги относятся именно к этому разрушенному грабителями позднесарматскому погребению. О поздних находках из склепа М. И. Ростовцев писал, что «либо... вещи занесены сюда грабителями, либо... *первыми грабителями были лица, использовавшие склеп для вторичного погребения в римское время*, либо... в склепе хоронили в течение, по крайней мере, двух веков» [Ростовцев, 1914б, с. 40]. Косвенно об этом писал и В. В. Шкорпил, вскрывший склеп в 1907 году: «Весьма странною мне кажется находка кусков стекла с желобками (в 1907 г. найдено новых шесть обломков): нужно предположить, что склеп в течение нескольких веков служил усыпальницей какой-нибудь знатной семьи, или что стекло занесено туда древними грабителями, проникшими в камеру через пролом, сделанный в задней люнетке» [Шкорпил, 1908, прим. 36; Шкорпил, 1910, с. 47]. С этим разрушенным в склепе позднесарматским погребением и можно связать конское захоронение у входа, в котором были найдены кольца с прямоугольными фасетированными пластинами и грибовидные подвески.

Обратимся к анализу собственно вещей и попытаемся выделить на основании анализа текста отчета В. Г. Тизенгаузена отдельные комплексы конских захоронений.

Несмотря на то, что с момента открытия Большого кургана «Васюринской горы» прошло 140 лет, наиболее полное описание всех вещей из конских захоронений было сделано М. И. Ростовцевым [Ростовцев, 1914б, с. 40-42]. Е.В. Власовой были только уточнены размеры всех приведенных ниже предметов [Власова, 2004а, с. 164-165]. Привожу описание М. И. Ростовцева без изменений:

«1) Большая овальная бронзовая позолоченная бляха с овальным углублением внутри, формой своей напоминающая овальную тарелочку; в этом углублении прикреплена была овальная же довольно высокая рамка, плотно прилегавшая к краям углубления, забранная наверху довольно толстым стеклом. Это стекло, по весьма вероятному предположению Я. И. Смирнова, может быть, закрывало собой что-либо прикрепленное к дну овального углубления. Позолоченный край бляхи украшен двумя рядами ким, разделенных двумя линиями. Высота 0,155 м, ширина 0,12 м; стекло 0,1 - 0,06 м. [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 1] (рис. 3. 1).

2) Шесть бронзовых выпуклых блях, позолоченных по краям и украшенных в центре накладным слоем темного стекла, связанного с бронзой бронзовым же стержнем. Стекло окружено рамкой с веревочным орнаментом. Следующий за этим валик украшен орнаментом стоящих вверх листьев; плоский край – врезанной в золотую пластинку кимой. Сзади поперечная бронзовая полоса со скобой, которой бляхи прикреплялись к ремню уздечки. Диамет. 0, 07 м [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 2] (рис. 3. 2).

4) Четыре железных золоченых удила (0, 11 м) с зубчатыми шариками на концах. К ним, м. б., примыкала пара колец с зажимами (кольца бронзовые, зажимы серебряные); в зажимы вставлены были ремни, вероятно, поводьев или вожжей [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 5 и 10] (рис. 3. 5, 10).

5) Два железных золоченых языка, верхушка которых украшена головами грифонов. Под этими головами дырочки, за которые эти язычки были подвешены. Высота – 0,105 м [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 4] (рис. 3. 4).

6) Три бочонкообразных, с сетчатой выпуклой резьбой на поверхности, бляшки тонкого золота, покрывавших, вероятно, какой-нибудь железный или деревянный предмет той же формы (вряд ли пронизи). Высота – 0,021 м. [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 8] (рис. 3, 8).

7) Три железных, покрытых золотом, подвески со скобами, орнаментированные наподобие раковины (высота – 0,036 м), и одна золоченая железная чашечка, к которой, м. б., прикреплена была кисть (диаметр 0,027 м). И это обычные составные части уздечного набора. [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 9 и 3] (рис. 3. 9, 3).

8) Несколько бронзовых пряжек от ремней, две бронзовых подвески, м. б., для кистей, серебряная подвеска в виде розетки со скобой сзади [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 7; диаметр 0,024 м] (рис. 3. 7), ряд серебряных блях с зажимами, вероятно, подвешенных к ремням (табл. XVIII, 11) (рис. 3, 11),

две золоченые звездочки (табл. XVIII, 12; диаметр 0,012 м) (рис. 3. 12), и разных типов кольца (табл. XVIII, 13; диаметр 0,013 м), 14 (диаметр 0,04 м) (рис. 3. 13, 14), все, несомненно, украшения ремней *нескольких* конских уздечек.

9) Большие куски бронзовой обивки лошадиного нашейника с орнаментами из сделанных пунктиром линий и розеток. К полосам этой обивки были привешены на бронзовой проволоке бронзовые пластинки полукруглой формы, перегнутые посредине и образующие нечто вроде колокольчиков без языков (ширина полосы 0,155 м; высота привески – 0,09 м; диаметр розеток – 0,03 м; в одном месте две полосы сшиты бронзовыми гвоздями [Ростовцев, 1914б, табл. XIX] (рис. 4). Бронзовый же налобник сверху и внизу более широкий, чем в середине, к которому были привешены вместо колокольчиков бронзовые небольшие полумесяцы (высота – 0,30 м; ширина сверху и внизу – 0,14 м, ширина посредине – 0,12 м) [Ростовцев, 1914б, табл. XX, 2] (рис. 5. 2). Бронзовый же нащечник или наглазник снизу с прямым обрезом, сверху закругленный и с полукруглым выступом посредине слева (высота 0,17 м, наибольшая ширина 0,1 м) [Ростовцев, 1914б, табл. XX, I]» (рис. 5, 1).

Как уже отмечалось выше, бронзовые фалары со стеклянными вставками вызвали самые большие проблемы с датированием, так как, по мнению М.И. Ростовцева, они были *более характерны для римского времени*. Поскольку все описанные выше вещи рассматривались как единый комплекс, то необходимы были и дополнительные аргументы в пользу их более ранней даты. Ссылаясь на мнение Я. И. Смирнова, М. И. Ростовцев писал в примечаниях к описанию этих предметов следующее: «Овальные фалары составляют обычный предмет украшения конской сбруи, специально, уздечек, но обыкновенно они украшаются рельефом. Может быть, и здесь надо предположить золотой рельеф, закрытый застекленной рамкой» [Ростовцев, 1914б, с. 41]. Как мне известно, за 140 лет археологических раскопок, прошедших после открытия курганов «Васюринской горы», еще не было найдено ни одного предмета, в котором вставка из матового стекла или полудрагоценного камня закрывала какой-либо рельеф на основе, поэтому эта интересная гипотеза вряд ли подтвердится. Замечу еще раз, что приведенная идея была высказана М.И. Ростовцевым только для того, чтобы подтвердить более раннюю дату фаларов. Но насколько это важно, если рассматривать описанные выше предметы *не как единый погребальный комплекс, а как предметы из 4 разных конских захоронений?*

Перейдем к анализу отдельных конских захоронений. Мне представляется очень важным условием для выделения комплексов и построения их хронологии, что необходимо исходить только из текста отчета В. Г. Тизенгаузена, полностью опубликованного в ОАК за 1869 год. Другого текста отчета о раскопках «Васюринской горы» в 1869 году в архивах Императорской Археологической Комиссии (Института Истории материальной культуры РАН) мною не обнаружено. Это *единственная информация*, которая у нас имеется,

так как В. Г. Тизенгаузен в июне-июле 1869 года проводил раскопки один, без помощи А. Е. Люценко, уехавшего за границу в отпуск и, при этом, еще временно замещал больного Ф. И. Гросса на время производства работ на Тамани на посту директора Керченского музея [РА ИИМК РАН, Ф. 1, 1869, дело № 4, л. 61, 61об., 70]. Из этого документа следует, что:

первый конь был украшен:

- 1) круглыми и овальными бронзовыми позолоченными бляхами, в которые вставлены белые матовые стекла;

на втором коне находился:

- 2) род хомута, состоящий из широкой бронзовой, узорчатой пластины, к которой местами были привешены на цепочках полусогнутые, продолговатые привески;

на третьем коне был найден:

- 3) железный, обтянутый листовым золотом, налобник в виде головы грифона;

на четвертом коне был также найден:

- 4) железный, обтянутый листовым золотом, налобник в виде головы грифона;

на головах двух из четырех коней (X? и Y?) также были:

- 5) по два серебряных с позолотой удила (псалия) с принадлежащими к ним железными мундштуками и кольцами.

Дополнением к этому документу может служить сохранившаяся в архиве Института Истории материальной культуры РАН (Императорской Археологической Комиссии) опись находок из большого кургана «Васюринской горы» [РА ИИМК РАН, Ф. 1, 1869, дело № 4, л. 84 об.].

Опись вещам, найденным г. Тизенгаузенем при раскопках, произведенных в 1869 году на Таманском полуострове близ станции Сенной

№ по порядку	№№ по каталогу Эрмитажа	Название вещей	Место находки
16	620e	Бронзовая овальная бляха со стеклом от конского головного убора	В большом кургане на Васюринской горе
17	620f	Шесть круглых бронзовых блях с выпуклыми стеклами и с ушками от конского прибора	В большом кургане на Васюринской горе
18	620g	Бронзовая круглая бляха с ушком	В большом кургане на Васюринской горе

19	6191 720к	Две пары удил с пряжками, чашечками от кистей, кольцами, колокольчиками и привесками	В большом кургане на Васюринской горе
20	702к	Два позолоченных наносника от конского головного убора	В большом кургане на Васюринской горе
21	619f	Обломок бронзовой цепочки	В большом кургане на Васюринской горе
22	619d	Обломки бронзовой чеканной пластины с привесками, находившиеся на шее лошади.	В большом кургане на Васюринской горе
23	400d	Три золотых украшения боченкообразной формы	В большом кургане на Васюринской горе

Также существуют материалы из фотоархива ИИМК РАН, на которых есть некоторые недостающие в изданиях типы вещей [ФА ИИМК РАН, № Q639.5, № 11936; № Q639.12, № 11924; № Q639.14, № 11926] (рис. 6-8). Это касается в первую очередь бронзовых пряжек (рис. 7), которые упомянуты в текстах изданий материалов раскопок [Ростовцев, 1914б, с. 41, № 8] и в описи 1869 года [РА ИИМК РАН, Ф.1, 1869, дело № 4, л. 84 об., № 19]. Исходя из этих имеющихся у нас документов, как мне кажется, и следует разобрать все собранные воедино М. И. Ростовцевым *вещи по отдельным комплексам конских захоронений*. Условно введем обозначение конских захоронений в порядке их описания В. Г. Тизенгаузеном.

Погребение № 1 (рис. 9)

Если исходить только из имеющихся документов, то к первому погребению нужно отнести набор из 7 бронзовых позолоченных фаларов со вставками стекла [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 1-2; Власова, 2004а, рис. 14; по описи находок 1869 года – №№ 620е и 620f, совр. инв. № Вас. 15] и одной бронзовой круглой бляхи с ушком без стекла, упомянутой в описи 1869 года, но не описанной ни М. И. Ростовцевым, ни Е. В. Власовой [РА ИИМК РАН, Ф. 1, 1869, дело № 4, л. 84 об., № 18 – № 620g; ФА ИИМК РАН, Q 639.12, № 11924].

К этому погребению также нужно отнести уздечный набор, состоящий из:

1) двух бронзовых посеребренных колец с серебряными разновеликими фасетированными пластинами – зажимами для ремней оголовья и поводьев [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 10; Власова, 2004а, рис. 12];

2) бронзового кольца без пластин-зажимов [Ростовцев, 1914, табл. XVIII, 14];

3) бронзового колокольчика, бронзового колпачка и серебряной розетки [Власова, 2004, рис. 15; ФА ИИМК РАН, Q639.5, № 11936];

4) бронзовой пряжки [ФА ИИМК РАН, Q639.5, № 11936];

5) четырех секировидных серебряных подвесок [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 11; Власова, 2004а, рис. 13].

У М. И. Ростовцева мы находим под № 8 отдельное описание именно этих деталей: «Несколько бронзовых пряжек от ремней, две бронзовых подвески, м. б., для кистей, серебряная подвеска в виде розетки со скобой сзади, ряд серебряных блях с зажимами, вероятно, подвешенных к ремням» [Ростовцев, 1914б, с. 41]. Исследователь, правда, первоначально считал, что пара бронзовых колец с серебряными зажимами, в которые были вставлены ремни, вероятно, могут быть связаны с «серебряными с позолотой удилами» [Ростовцев, 1914б, с. 41].

Трудно представить единый конский убор, состоящий из железных *С-овидных псалий* с зубчатыми шариками на концах, характерными для эпохи III–I вв. до н. э., к которым также крепятся бронзовые кольца с двумя разновеликими прямоугольными серебряными *фасетированными* пластинами, появляющимися в конском снаряжении не ранее второй половины II века н.э.! Мне кажется, что отчасти виной этому хронологическому казусу является составленная В. Г. Тизенгаузенем опись находок 1869 года, на которую, вероятно, и мог опираться при публикации вещей М.И. Ростовцев. В описи 1869 года упомянуты «две пары удил с пряжками, чашечками от кистей, кольцами, колокольчиками и привесками» [РА ИИМК РАН, Ф. 1, 1869, дело № 4, л. 84 об., № 19 – № 619l и 720k]. Нужно особо отметить, что удила и остальные детали (пряжки, кольца, колокольчики и подвески) соединены вместе *только в тексте описи*, а в каталоге Эрмитажа они имеют разные инвентарные номера: удила – № 619l и остальные детали – № 720k. В тексте отчета В. Г. Тизенгаузена написано также, что «серебряные с позолотой удила» имели *только* принадлежащие к ним *железные мундштуки и кольца*, но нет ни слова о пряжках, колокольчиках и привесках. Таким образом, исходя не только из анализа типов вещей, но и из анализа документов, невозможно отнести *С-овидные псалии* к данному погребению и связывать их воедино с уздечным набором с фасетированными пластинами, пряжками с язычком и овальной обоймой и секировидными подвесками.

Погребение № 2 (рис. 4-5)

Исходя из текста В. Г. Тизенгаузена, ко второму погребению можно отнести только «род хомута, состоящий из широкой бронзовой, узорчатой пластины, к которой местами были привешены на цепочках полусогнутые, продолговатые привески». По публикации М. И. Ростовцева к этому погребению относятся:

« 9) Большие куски бронзовой обивки лошадиного нашейника с орнаментами из сделанных пунктиром линий и розеток. К полосам этой обивки были привешены на бронзовой проволоке бронзовые пластинки полукруглой формы, перегнутые посередине и образующие нечто вроде колокольчиков без языков (ширина полосы 0,155 м; высота привески – 0,09 м; диаметр розеток –

0,03 м; в одном месте две полосы шиты бронзовыми гвоздями [Ростовцев, 1914б, табл. XIX]. Бронзовый же налобник вверху и внизу более широки, чем в середине, к которому были привешены вместо колокольчиков бронзовые небольшие полумесяцы (высота – 0,30 м; ширина вверху и внизу – 0,14 м, ширина посередине – 0,12 м) [Ростовцев, 1914б, табл. XX, 2]. Бронзовый же нащечник или наглазник снизу с прямым обрезом, сверху закругленный и с полукруглым выступом посередине слева (высота 0,17 м, наибольшая ширина 0,1 м)» [Ростовцев, 1914б, с. 41, табл. XIX-XX]. По описи находок 1869 года это: «Обломки бронзовой чеканной пластины с привесками, находившиеся на шее лошади» [РА ИИМК РАН, Ф. 1, 1869, дело № 4, л. 84 об., № 22 – № 619d].

Погребение № 3 (рис. 15)

Согласно основному тексту отчета В. Г. Тизенгаузена, к этому погребению можно отнести «железный, обтянутый листовым золотом, налобник в виде головы грифона». Исходя из стилистической близости и одинаковой технологии изготовления, к этому погребению также относятся «два серебряных с позолотой удила (псалия – О. Ш.) с принадлежащими к ним железными мундштуками и кольцами» [ОАК, 1869, с. VIII]. По описанию М. И. Ростовцева, это два «железных золоченых удила (высота 0, 11 м) с зубчатыми шариками на концах [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 5]. Железный золоченый язык, верхушка которого украшена головой грифона. Под этой головой дырочка, за которую этот язычок был подвешен; высота – 0,105 м [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 4].

По стилю орнаментации и технологии изготовления к этому комплексу можно отнести также «три железных, покрытых золотом, подвески со скобами, орнаментированными наподобие раковины (высота – 0,036 м) [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 9].

Погребение № 4 (рис. 15)

Этот комплекс по составу инвентаря практически идентичен погребению № 3 (второй налобник с головой грифона и два С-овидных псалия с зубчатыми шариками), за исключением трех перстневидных блях, которые можно условно отнести к погребению № 3, а три золотых обкладки бус бочонковидной формы условно отнести к погребению № 4. Их описание дано М. И. Ростовцевым следующим образом: «Три боченкообразных, с сетчатой выпуклой резьбой на поверхности, бляшки тонкого золота, покрывавших, вероятно, какой-нибудь железный или деревянный предмет той же формы. Высота – 0,021 м» [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 8; Власова, 2004а, рис. 10; ФА ИИМК РАН, Q639.14, № 11926].

Отдельные вещи [см. Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 3, 12, 13], которые не отнесены мною к какому-либо конкретному конскому погребению, имеют, прежде всего, декоративный и *вневременной характер*. Крючок не относится к составу конской упряжи [Ростовцев, 1914б, табл. XVIII, 6], несколько крючков были вбиты в стенки каменных конских гробниц, и в одном случае к крючку крепилась бронзовая цепочка. Другая цепочка длиной около мет-

ра была найдена около скелета собаки у лестницы [Ростовцев, 1914б, с. 42]. Из описи 1869 года следует, что одна из цепочек была сдана в Императорский Эрмитаж [РА ИИМК РАН, Ф. 1, 1869, дело № 4, л. 84 об., № 21 – № 619f].

Хронология выделенных комплексов

Погребение коня № 1

Сложнее всего обстоит дело с датировкой именно этого комплекса. Данное обстоятельство связано с тем, что бронзовые позолоченные фалары со стеклянными вставками настолько уникальны по стилю декора, что прямые аналогии им мне до сих пор не известны. Большие стеклянные вставки и крупные вставки полудрагоценных камней (рис. 8) начинают использоваться для украшения блях конского оголовья и поперся, прежде всего, в I в. н. э. Вероятно, этот стиль декора деталей конского убора начал формироваться ранее, в середине – второй половине I в. до н. э., если можно отнести к предметам украшения уздечного набора комплекс блях из Зубовского хутора [Мордвинцева, Трейстер, 2007, №№ В13.6; В13.7; табл. 9].

Для нас более интересен комплекс тайника № 1 кургана № 1 могильника Дачи, который датируется второй половиной I в. н. э. В составе конского убора из этого тайника есть два фалара, у которых способ крепления камней к бронзовой основе идентичен способу крепления стеклянных вставок к основе у шести фаларов погребения № 1 «Васюринской горы» Вставки агатов были просверлены и крепились к бронзовой основе сквозным штифтом [Сокровища сарматов, 2008, с. 100-101, № 22; L'Or..., 2001, No. 235]. Вероятнее всего, крупная сердоликовая вставка в золотом медальоне из погребения № 254 у с. Заветное также крепилась к основе при помощи центрального штифта [Мордвинцева, Трейстер, 2007, №№ А79.1; табл. 12]. Таким же способом в I–IV вв. н. э. при помощи сквозного штифта крепились к рукоятям мечей навершия из стекла и полудрагоценных камней [Засецкая, Гущина, 1994, № 186, табл. 20; Безуглов, 2000, рис. 2-3; Sharov, 2003, Abb. 2; Carnap-Bornheim von, 2003, Abb. 1-2]. Можно видеть, что традиция украшения крупными стеклянными вставками и специфический способ их крепления появляется в римское время, но тип декора «бегущая волна» и техника его нанесения путем золочения бронзы может свидетельствовать и о более раннем времени их изготовления. Не случайно А. В. Симоненко пишет, что «бронзовые позолоченные фалары со стеклянными вставками, по справедливому замечанию М. И. Ростовцева, *характерные для римского времени*, указывают на сравнительно позднюю дату захоронения. Орнамент в виде «бегущей волны», которым украшены бортики фаларов, часто встречается на шлемах типов Монтефортино и Манхайм II–I вв. до н. э.» [Симоненко, 2007, с. 108-109]. Автор предложил датировать фалары II в. до н. э., исходя из общего анализа всего комплекса находок из конских погребений «Васюринской горы». Хочется при этом заметить, что золочение бронзы или нанесение на бронзовую основу золоченого орнамента

в античном искусстве было известно с давних времен, но мы не знаем для классического времени и эпохи эллинизма бронзовых ювелирных позолоченных изделий, украшенных крупными стеклянными вставками. Такого рода предметы массово появляются в Римской Империи в I в. н. э. и существуют до эпохи Северов, т. е. до начала III в. н. э. Это, прежде всего, «*dona militaria*» или награды римской армии: бронзовые позолоченные фалеры, которые крепились на перекрестных ремнях поверх панциря и которые, в ряде случаев, трудно отличить от конских фаларов, а также большие стеклянные камеи в золотой или бронзовой оправе [Колобов, 1998, с. 27-28]. Позднее, уже после реформ Септимия Севера, в первой половине III в. н.э. стали золотиться бронзовые и серебряные Т-образные шарнирные или луковичные фибулы (*Zwiebelknopffibel*), на которых при этом часто наносился гравировкой или чернью различный орнамент, причем излюбленным был именно орнамент в виде «бегущей волны» [Шаров, 1999, с. 189-205, рис. 2-3]. Исходя из этих *сугубо предварительных размышлений*, бронзовые позолоченные фалеры со стеклянными вставками следует датировать на данном этапе исследования I–II вв. н.э.

Попытаемся датировать остальные детали упряжи, происходящие из этого комплекса. Уздечному набору, состоящему из бронзовых колец удила с прямоугольными разновеликими фасетированными пластинами, бронзовой пряжки, колокольчика и четырех секировидных подвесок, имеются очень четкие аналогии среди материалов раскопок кургана могильника Высочино вблизи Азова [Безуглов, 1997, с. 133-142]. Это комплект металлических принадлежностей и украшений уздечки, происходящий из впускного погребения № 1 (рис.10-11), которые достаточно компактно концентрировались в северо-западной части могилы. Там были найдены фрагментированные железные удила с бронзовыми кольцами в свободных концах. На каждое кольцо надето по два разновеликих серебряных зажима для крепления ремней повода и оголовья [Безуглов, 1997, рис. 1, 2-3]. Кроме того, здесь были найдены пара секировидных бляшек-подвесок к уздечке (обе имеют бронзовые подкладки с оборота) [Безуглов, 1997, рис. 2, 9-10], пара серебряных овальнорамчатых пряжек с округлыми щитками [Безуглов, 1997, рис. 2, 20-21]. Можно видеть, что и бронзовые кольца удила с фасетированными разновеликими пластинами, и секировидные бляшки-подвески, и бронзовая пряжка из комплекса конского погребения № 1 «Васюринской горы» имеют полные аналогии среди инвентаря азовского погребения. Это подтверждается словами автора публикации: «Уздечный набор из высочинского погребения входит в очень монолитную стилистико-хронологическую группу. Удила с бронзовыми кольцами во внешних концах, снабженные парой разновеликих зажимов, имеют синхронные параллели в кургане I Жутовского могильника, среди остатков уздечного набора, обнаруженного в склепе на Васюринской горе; в Ульском ауле, 1909 г. ... Важнейшим диагностирующим компонентом группы уздечных наборов, к которой принадлежит и рассматриваемый, являются серебряные пластинчатые

подвески, крепившиеся к ремням оголовья с помощью одной заклепки, находящейся на прямоугольном выступе в верхней части. Они хорошо известны в Подонье (Четыре брата, 3/6; Высочино 11, к. 8; Мехзавод, к. 2; Камышевский I, 8/1; Жутово, к. I; Танаис, к. 12/1972 г.), в Южном Приуралье (Джанатан, Лебедевка и др.), единично встречены в Закубанье (Ульский аул, 1909 г.) и на Таманском полуострове (Васюринская гора)» [Безуглов, 1997, с. 136-137]. Эти параллели позволяют нам датировать комплекс уздечных украшений из «Васюринской горы» в пределах последней трети II – первой половины III вв. н.э.

Полученную дату можно скорректировать на основании анализа ременной гарнитуры позднесарматского времени, проведенного В. Ю. Малашевым [Малашев, 2000]. Для его хронологической группы IIА (200/220-250/260 гг.) главным стилистическим, а также хронологическим признаком является появление *фасетировки* практически на всех деталях ременной гарнитуры (рис. 12, В, Г). В этот период появляются практически все типы пряжек и с полукруглой, и с прямоугольной рамкой, и с круглым, и с прямоугольным щитком. Бляхи-подвески конского убора также фасетированы или загнуты по краям и представлены как овальной, так и *секировидной формами*. Следует также отметить, что уже в комплексах этой группы встречены фасетированные наконечники поводьев разной длины» [Малашев, 2000, с. 199-200, рис. 4]. Как можно видеть, все детали упряжи, представленные в нашем случае, имеют четкие параллели среди позднесарматских древностей первой половины III в. н. э. Таким образом, если принимать данный состав конских украшений как принадлежащих к одному конскому захоронению (фалары и уздечный набор), то по совокупности всех имеющихся данных можно датировать его на данном этапе исследования концом II – первой половиной III в. н.э.

Погребение коня № 2 (рис. 4-5)

На основании текста В. Г. Тизенгаузена, можно отнести к этому комплексу детали бронзового конского нагрудника и, возможно, детали оголовья: нащечники, выполненные также из тонких бронзовых пластин с циркульным орнаментом. Комплект удила и иные части конского убора для этого погребения не известны. Вероятно, они были железными и, как в случае с стержневидными псалиями с зубчатыми концами, грызла и другие части (в тексте В. Г. Тизенгаузена: «принадлежащие к ним железные мундштуки и кольца») не сохранились, либо остались в Керченском музее. Проблема датировки этих пластин была недавно затронута А.В. Симоненко [Симоненко, 2007, с. 108-109]. Он пишет: «Нагрудник из Острога – весьма интересная находка, особенно для территории Украины (рис. 14). Сейчас, после выхода работ Е. А. Бегловой [Беглова, 2002], Б. А. Раева и Г. Е. Беспалого [Раев, Беспалый, 2006], стало ясно, что в эллинистическое время варвары Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья использовали конский убор особого типа, *впервые найденный еще при раскопках кургана № 1 Васюриной Горы* [Ростовцев, 1914б, табл. XX, 1, 2]. В одной из конских гробниц этого кургана были обнаружены

узкие прямоугольные пластины, подобные пластинам из Острого, с таким же орнаментом и подвешенными «полуколокольчиками» [Симоненко, 2007, рис. 9, 2] и фрагментированная фигурная пластина с пуансонным орнаментом и подвешенными к нижнему краю лунницами [Симоненко, 2007, рис. 9, 3], украшавшая нагрудник другой конструкции. Практически аналогичны ей [Симоненко, 2007, рис. 9, 4-6] пластины из ритуального комплекса № 1 Тенгинского некрополя [Беглова, 2002, с. 158, 159, рис. 2, 3] и культового комплекса в кургане на грунтовом могильнике Новолабинского IV городища [Раев, Беспалый, 2006, с. 40, 41, табл. 38, 1, 5]» [Симоненко, 2007, с. 108-109] (рис. 13, 4).

А. В. Симоненко, как уже было отмечено выше, опираясь на анализ хронологии всех предметов из конских погребений «Васюринской горы» как единого комплекса, датировал его II в. до н. э. Вполне вероятно, что он частично прав с этой датой, но только не для всех комплексов конских захоронений Васюринской горы, а именно для данного конского погребения. Е.А. Беглова датирует жертвенный комплекс Тенгинского некрополя первой четвертью II в. до н.э. [Беглова, 2002, с. 159], нагрудник из этого комплекса наиболее близок типологически и по стилю декора бронзовому нагруднику из конского погребения № 2 «Васюринской горы». На основании вышесказанного, этот комплекс можно датировать также первой четвертью II в. до н.э. Вероятно, это время вторичного вскрытия склепа и последующего захоронения в нем: разрушенное погребение в склепе, от которого сохранились лишь фрагменты родосских амфор с клеймами первой четверти II века до н.э., и *синхронное ему захоронение коня при входе.*

Погребения коней № 3 и № 4 (рис. 15)

По поводу хронологии типов предметов, которые можно отнести к этим захоронениям, особых сомнений не возникало – по налобнику с головой грифона и С-овидным псалиям с шариками на концах эти погребения можно датировать временем сооружения склепа [Ростовцев, 1912б; Власова, 2004а, с. 165], т. е. *первой половиной III века до н. э.* Сомнения появились в последнее время у А. В. Симоненко. Он пишет, что «подобные детали узды встречаются в некоторых «кладах» II–I веков до н. э.: бронзовые С-видные псалии с окончаниями в виде рубчатых (но не зубчатых) шариков – в Веселой Долине, бронзовые и серебряные перстневидные бляхи – в Снигиревке и Великопоском. Налобники с головками грифонов не имеют прямых аналогов, но, несомненно, относятся к классу позднескифских налобников «с крючком» III–I вв. до н. э. Создается впечатление, что псалии и остальной уздечный набор из Васюриной Горы – более изысканный, «парадный» вариант перечисленных аналогов» [Симоненко, 2007, с. 108]. Тем не менее можно видеть, что налобники с крючком являются позднейшей модификацией более ранних налобников с головками грифонов в «скифском стиле» (рис. 16, 21, 22) типа «Васюринской горы» и типа «Карагодеуашха» [см: Полин, 1992, рис. 8, 21, 22], и относить железный позолоченный налобник ко II–I векам до

н. э. у нас пока нет никаких оснований [Симоненко, 2001, рис. 5-6]. То же самое можно сказать по поводу С-овидных псалий из «Васюринской горы», которые украшены серебром и золотом, на концах имеют зубчатые шарики и рубчатые кольца на стержнях. И псалии, и налобники, и перстневидные бляхи были изготовлены из железа, которое затем было позолочено, и вместе они составляют единый стилистический набор. Учитывая мнение А. В. Симоненко о том, что в данном случае мы исследуем «парадный и более изысканный вариант» предметов конской упряжи, характерных для II–I вв. до н. э., можно предложить более широкую дату для комплексов конских захоронений № 3 и № 4 – весь III в. до н. э. При этом очень вероятно, что эти два конских захоронения относятся ко времени совершения основного погребения в склепе, хотя нельзя исключить и других решений.

Заключение

В результате данного исследования можно сделать следующие выводы. В.Г. Тизенгаузен в 1869 году открыл и описал отдельно 4 конских погребения у входа в склеп Большого кургана «Васюринской горы». По его краткому описанию можно разделить с определенной долей условности инвентарь конских захоронений на четыре отдельных комплекса, учитывая при этом результаты работ Е. В. Власовой [Власова, 1998; 2004а; 2004б]. К погребению коня № 1 относится набор из бронзовых позолоченных фаларов со стеклянными вставками и уздечный набор с бронзовыми кольцами с прямоугольными пластинами и секировидными подвесками. На основании анализа типов вещей его можно датировать концом II – первой половиной III в. н.э. К погребению коня № 2 относится набор бронзовых нагрудных пластин; на основании аналогий его можно датировать началом II в. до н.э. К погребениям коней №№ 3 и 4 относятся железные позолоченные налобники, железные позолоченные С-овидные псалии с шариками на концах и железные позолоченные перстневидные бляхи. Имеющиеся аналогии позволяют датировать эти комплексы III в. до н.э.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что при строительстве склепа в III веке до н. э. были одновременно с ним построены у входа и каменные ящики, в которых были совершены первые конские захоронения. Вероятно, два из них (№ 3 и № 4) сохранились нетронутыми с того времени. В начале II в. до н. э. склеп был вскрыт для следующего погребения, от которого сохранились лишь фрагменты родосских амфор, а при входе было совершено сопровождающее его погребение коня в бронзовом нагруднике. В конце II – первой половине III в. н.э. склеп был вновь вскрыт, в нем было совершено еще одно погребение, при этом были разрушены или потревожены более ранние погребения, тогда же при входе в каменный ящик было совершено захоронение коня № 1.

Были ли произведены захоронения во всех четырех ящиках изначально или только в двух, остается только гадать.

О.В. Шаров

ПРО КІНСЬКІ ПОХОВАННЯ ВЕЛИКОГО КУРГАНУ
ВАСЮРИНСЬКОЇ ГОРИ

Резюме

У цій статті проаналізовані матеріали розкопок В.Г. Тизенгаузена у 1869 році, коли були відкриті кінські поховання біля входу у склеп Великого кургану Васюринської гори. По короткому опису В.Г. Тизенгаузена можна умовно розподілити інвентар кінських поховань на чотири окремих комплексів, враховуючи при цьому результати робіт О.В. Власової (Власова. 1998; 2004а; 2004б). До поховання коня № 1 відноситься набір з бронзових позолочених фаларів зі скляними вставками і вуздечковий набір з бронзовими кільцями з прямокутними платівками та секіровидними підвісками. На основі аналізу типів речей його можна датувати кінцем II – першою половиною III ст. н.е. До поховання коня № 2 відноситься набір бронзових нагрудних платівок. На основі аналогій його можна датувати початком II ст. до н.е. До поховань коней №№ 3 та 4 відносяться залізні позолочені начільники, залізні позолочені С-подібні псалії з шарами на кінцях та залізні позолочені персневидні бляхи. На основі аналогій можна датувати ці комплекси III ст. до н.е.

Таким чином, можна сказати, що при будівництві склепу у III столітті до н.е. були одночасно з ним побудовані у вході і кам'яні скрині та були зроблені перші кінські поховання. Мабуть, два з них (№ 3 і № 4) збереглися незайманими з того часу. Чи були з самого початку поховання у всіх чотирьох скринях або тільки у двох, залишається тільки гадати. На початку II ст. до н.е. склеп був відкритий для слідкуючого поховання, від якого залишилися лише фрагменти родоських амфор, а на вході було здійснено супроводжуюче його поховання коня № 3 у бронзовому нагруднику. У кінці II – першій половині III ст. н.е. склеп був знову відкритий, в ньому було здійснено ще одне поховання, при якому були зруйновані та пошкоджені більш ранішні поховання у склепі, тоді ж при вході у кам'яній скрині було зроблено поховання коня № 1.

О. В. Шаров

«О КОНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ
БОЛЬШОГО КУРГАНА ВАСЮРИНСКОЙ ГОРЫ»

Резюме

В данной статье проанализированы материалы раскопок В.Г. Тизенгаузена в 1869 году, когда были открыты конские погребения у входа в склеп Большого кургана «Васюринской горы». По краткому описанию В. Г. Тизенгаузена можно условно разделить инвентарь конских захоронений на четыре отдельных комплекса, учитывая при этом результаты работ Е. В. Власовой [Власова. 1998; 2004а; 2004б]. К погребению коня № 1 относится набор из бронзовых позолоченных фаларов со стеклянными вставками и уздечный набор с бронзовыми кольцами с прямоугольными пластинами и секировидными подвесками. На основании анализа типов вещей его можно датировать концом II – первой

половиной III в. н. э. К погребению коня № 2 относится набор бронзовых нагрудных пластин. На основании аналогий его можно датировать началом II в. до н. э. К погребениям коней №№ 3 и 4 относятся железные позолоченные налобники, железные позолоченные С-овидные псалы с шариками на концах и железные позолоченные перстневидные бляхи. На основании аналогий можно датировать эти комплексы III в. до н. э.

Таким образом, можно сказать, что при строительстве склепа в III веке до н. э. были одновременно с ним построены у входа и каменные ящики и были совершены первые конские захоронения. Вероятно, два из них (№ 3 и № 4) сохранились нетронутыми с того времени. Были ли изначально захоронения во всех четырех ящиках или только в двух, остается только гадать. В начале II в. до н. э. склеп был вскрыт для следующего погребения, от которого сохранились лишь фрагменты родосских амфор, а при входе было совершено сопровождающее его погребение коня № 3 в бронзовом нагруднике. В конце II – первой половине III в. н. э. склеп был вновь вскрыт, в нем было совершено еще одно погребение, при котором были разрушены или потревожены более ранние погребения в склепе, тогда же при входе в каменном ящике было совершено захоронение коня № 1.

O. V. Sharov

ON THE HORSE INTERMENTS OF THE BIG BARROW «VASIURINA GORA»

Summary

The article analyzes data gathered by V. G. Tiesenhausen in excavations of 1869 when the horse interments were found at the crypt's entrance of the Big Barrows «*Vasiurina Gora*». According to the Tiesenhausen's brief description and taking into consideration the results of the work by E. V. Vlasova [Власова. 1998; 2004а; 2004б] the whole inventory of the horse burial site can be divided into four separate complexes. The interment of the horse № 1 contains the set of gilded bronze phalerae decorated with glass inserts, poleaxe-shaped pendants and a bridle set with bronze rings and rectangular plaques. From the types of items the interment may be attributed to the late II – early III century A.D. A set of bronze breastplates belong to interment of the horse № 2. From analogies it may be dated from the early II century B.C. The interments of the horses №№ 3, 4 include gilded iron frontlets, gilded iron S-shaped cheek-pieces with small balls on the ends and gilded iron annular plates. From analogies the last two complexes may be attributed to the III century B.C.

Consequently, the crypt and the stone boxes with the first horse interments were made simultaneously. Apparently two of them – №№ 3, 4 – survived intact. It remains unclear whether all four boxes contained interments or only two of them. At the beginning of the II century B.C. the crypt was opened for the following burial. Only fragments of Rhodian amphorae remained from it. While at the entrance the horse № 3 was buried with a bronze breastplate on. In the late II – first half of the III century A.D. the crypt was uncovered again. A new burial took place in it while the earlier ones were disturbed or ruined. The interment of the horse № 1 was made on the same occasion.

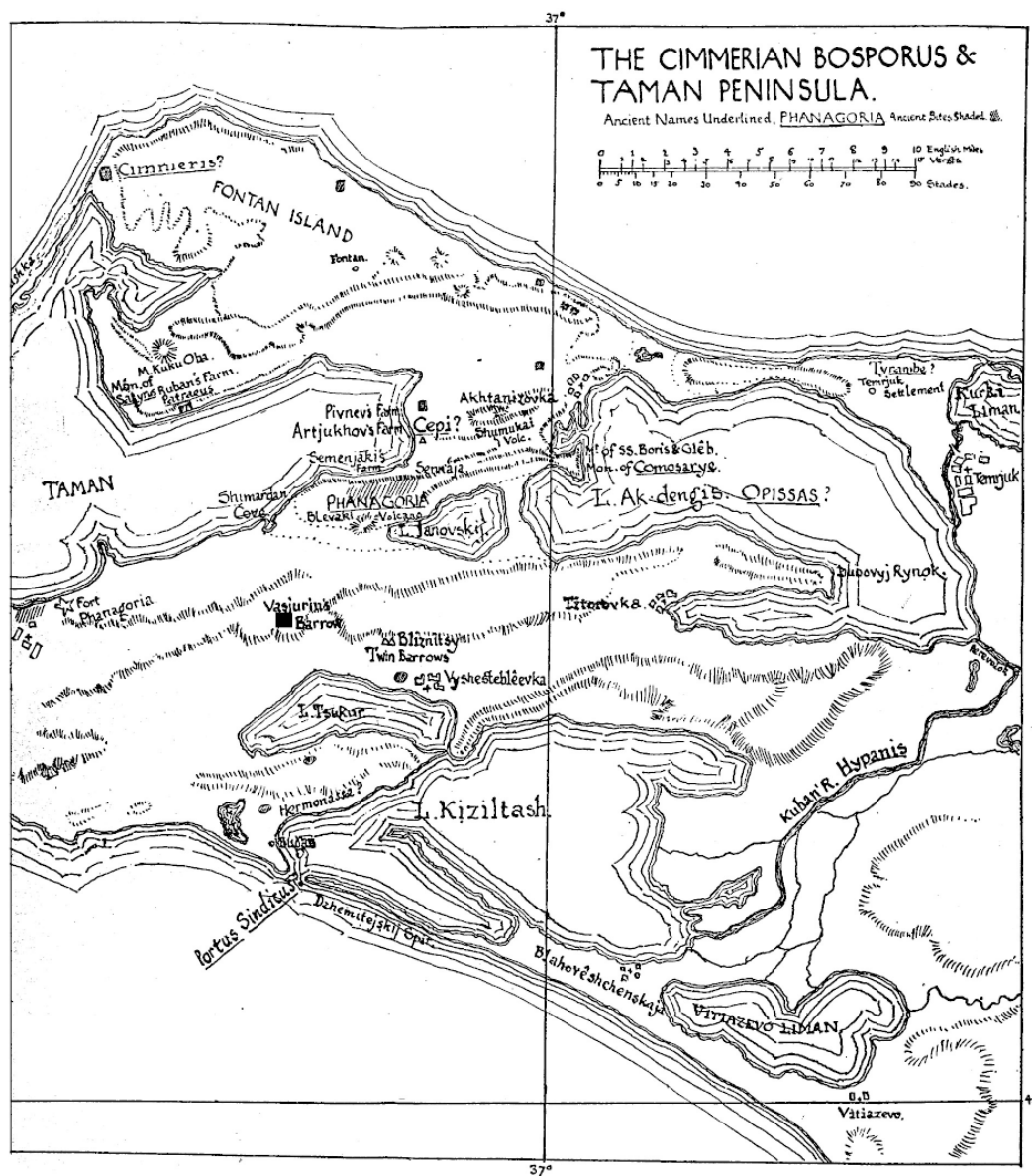

Рис. 1. Археологические памятники Таманского полуострова по Э. Миннзу (Minns 1913)

■ - местонахождение Васюринской горы.

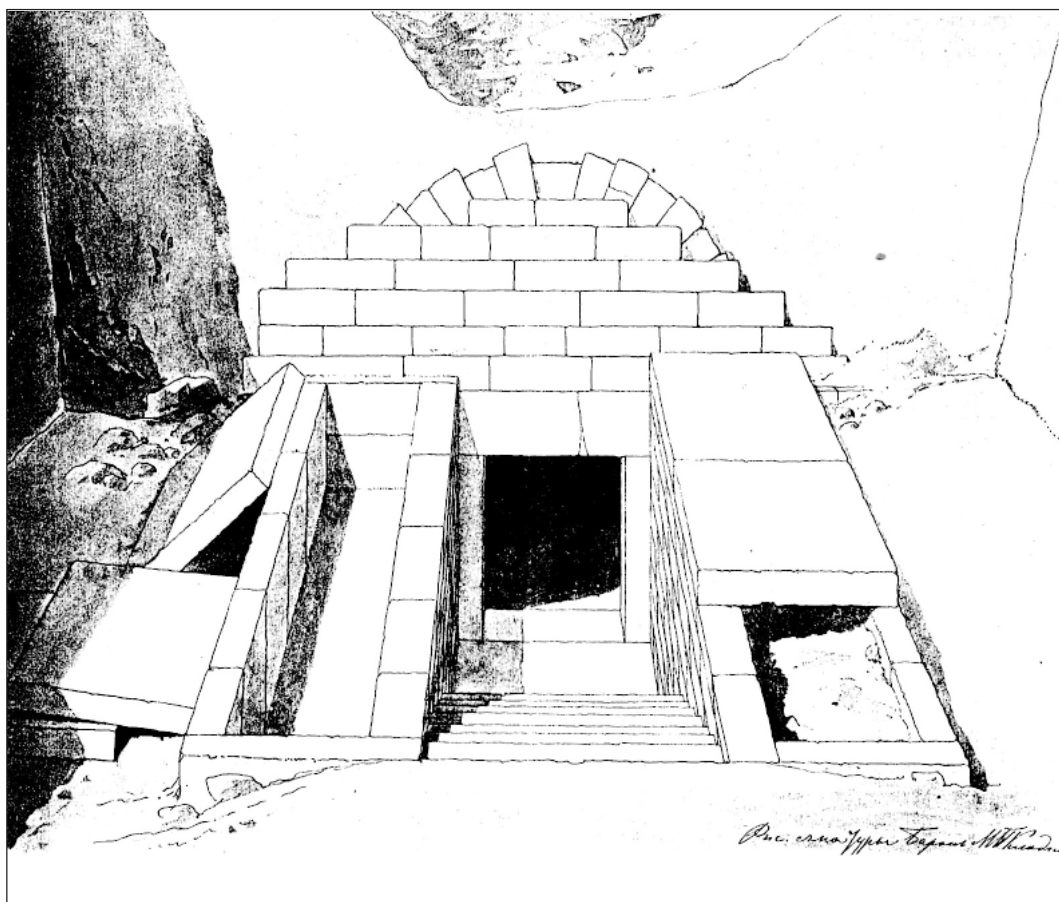

Рис. 2. Вход в склеп кургана № 1 Васюринской горы и конские погребения в каменных ящиках (Ростовцев, 1914, таб. XII).

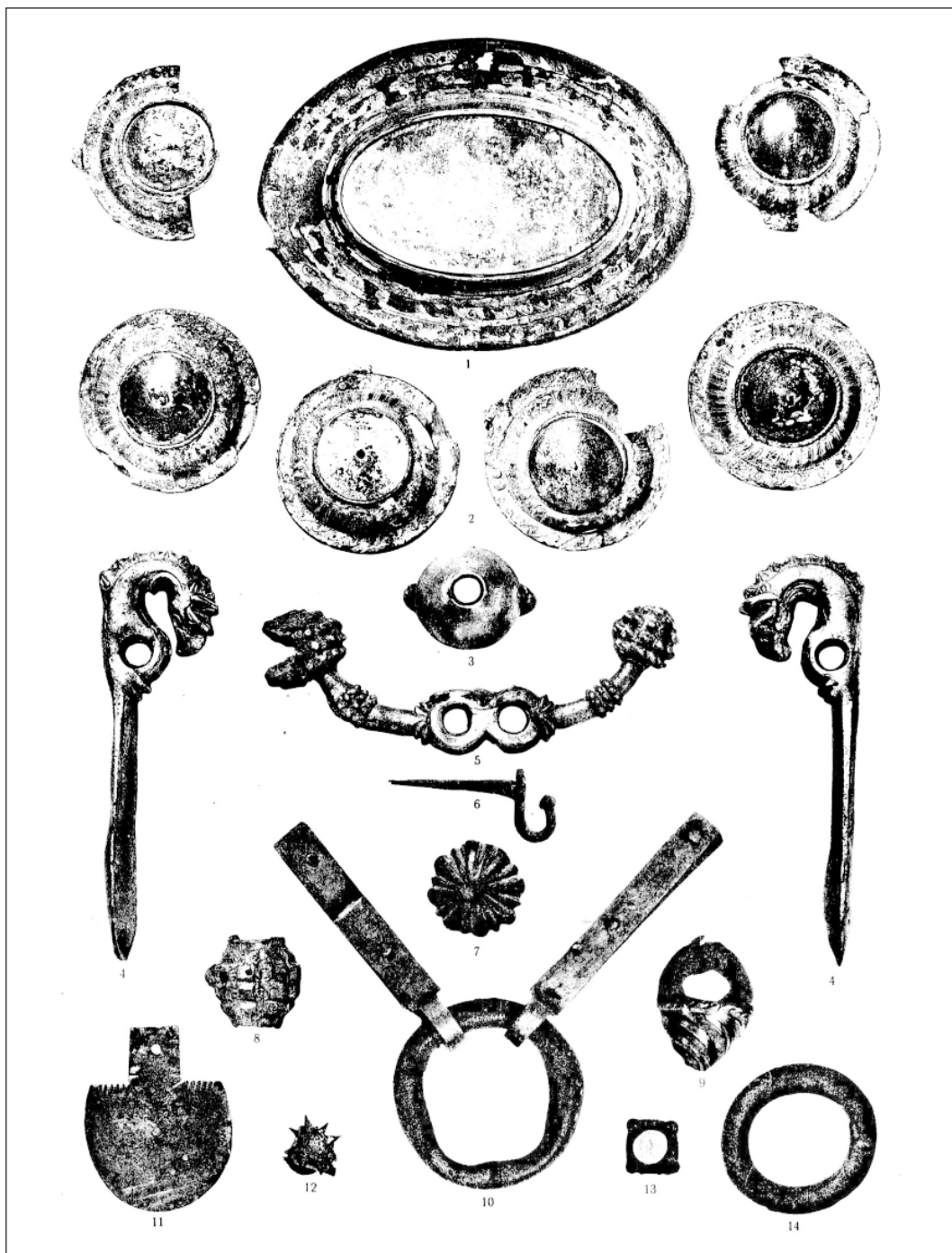

Рис. 3. Бронзовые и железные части упряжи, найденные в конских погребениях первого кургана Васюринской горы (Ростовцев, 1914, таб. XVIII).

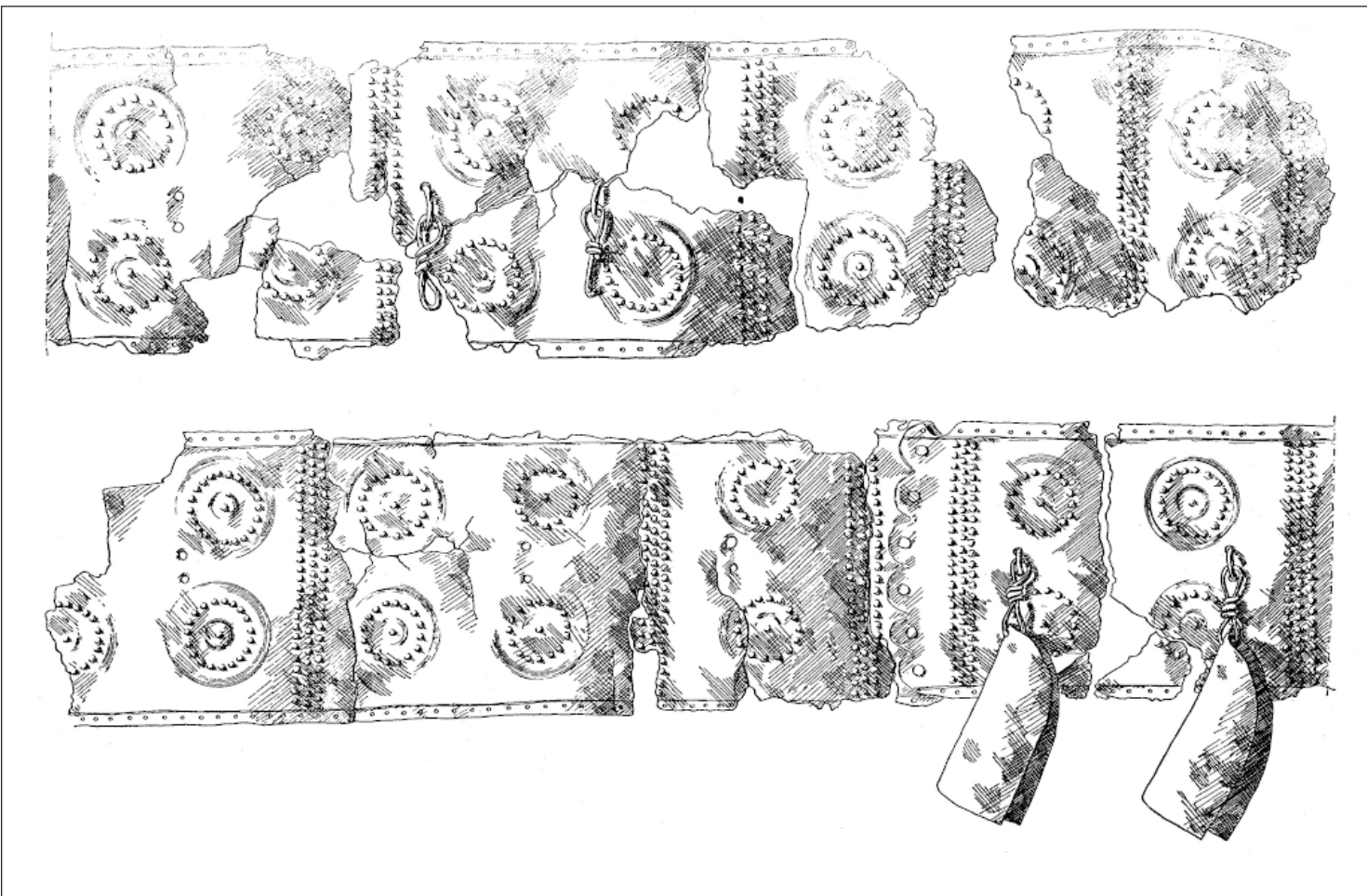

Рис. 4. Бронзовая обивка ременных частей упряжи, найденная в конских погребениях первого кургана Васюринской горы (Ростовцев, 1914, таб. XIX).

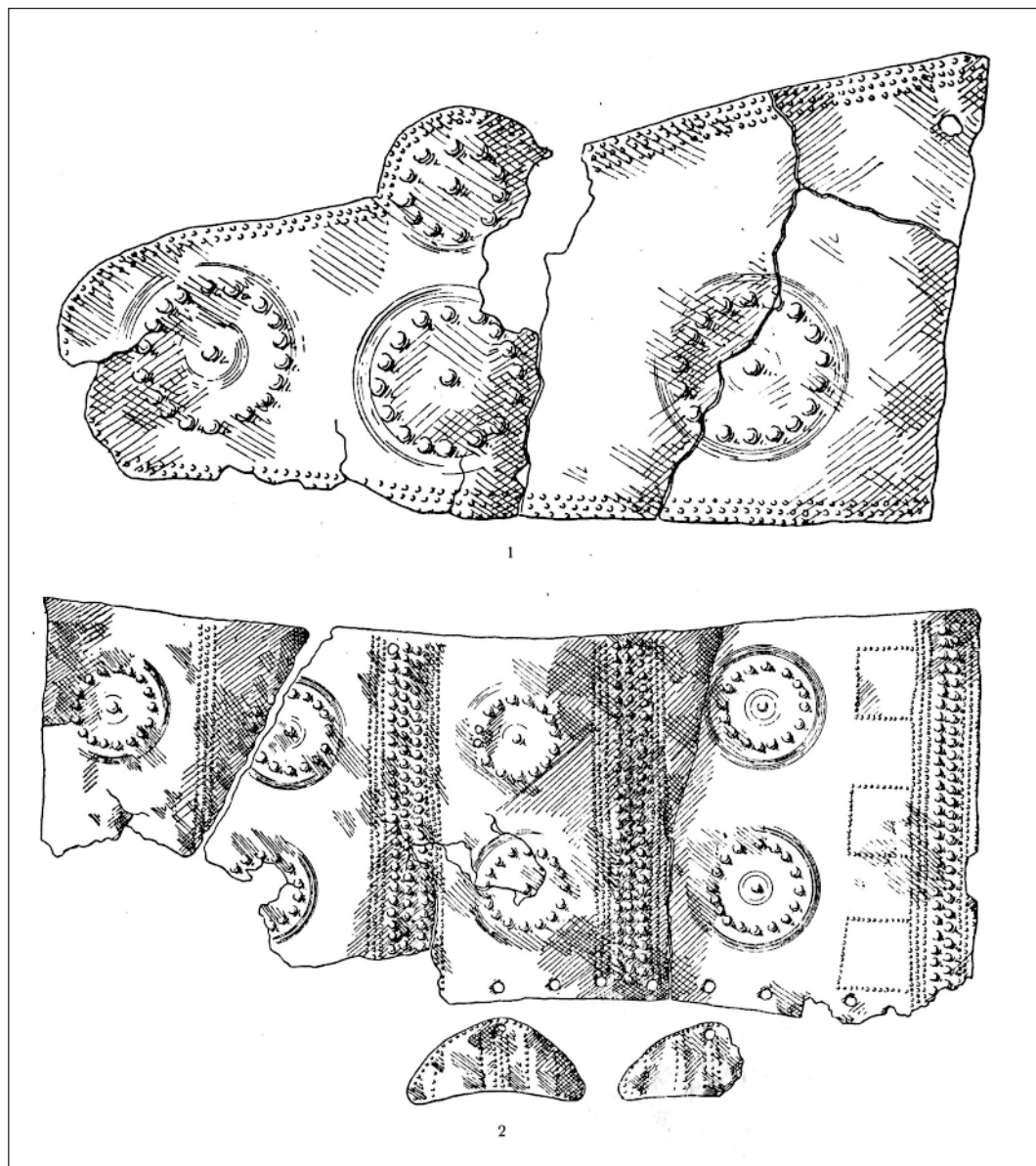

Рис. 5. Бронзовая обивка ременных частей упряжи, найденная в конских погребениях первого кургана Васюринской горы (Ростовцев, 1914, таб. XX).

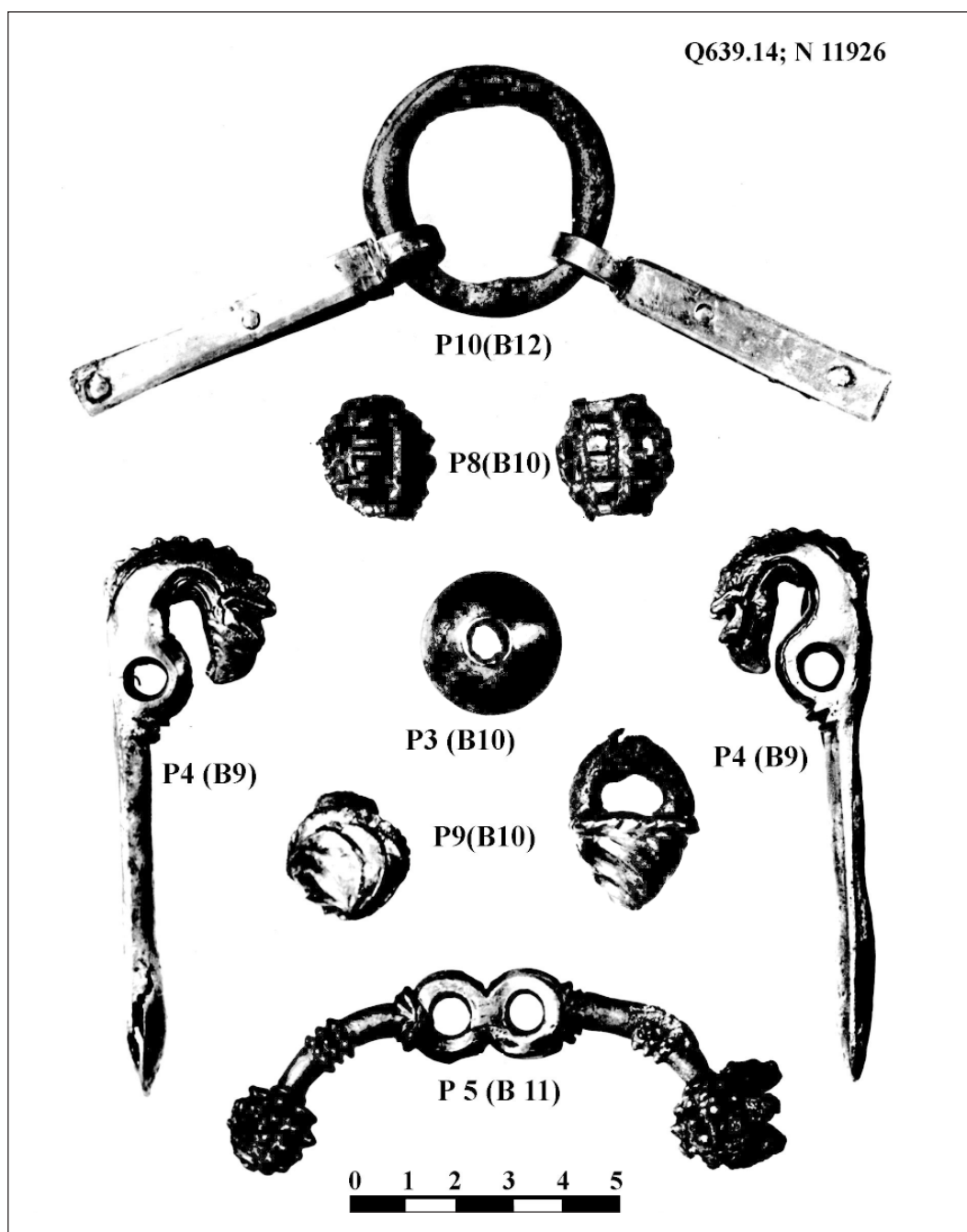

Рис. 6. Типы предметов конской упряжи из конских погребений первого кургана Васюринской горы. Номера даны: P3, P4, P5, P8, P10 (Ростовцев, 1914, таб. XVIII); B9, B10, B 11, B 12 (Власова, 2004, рис. 9-12).

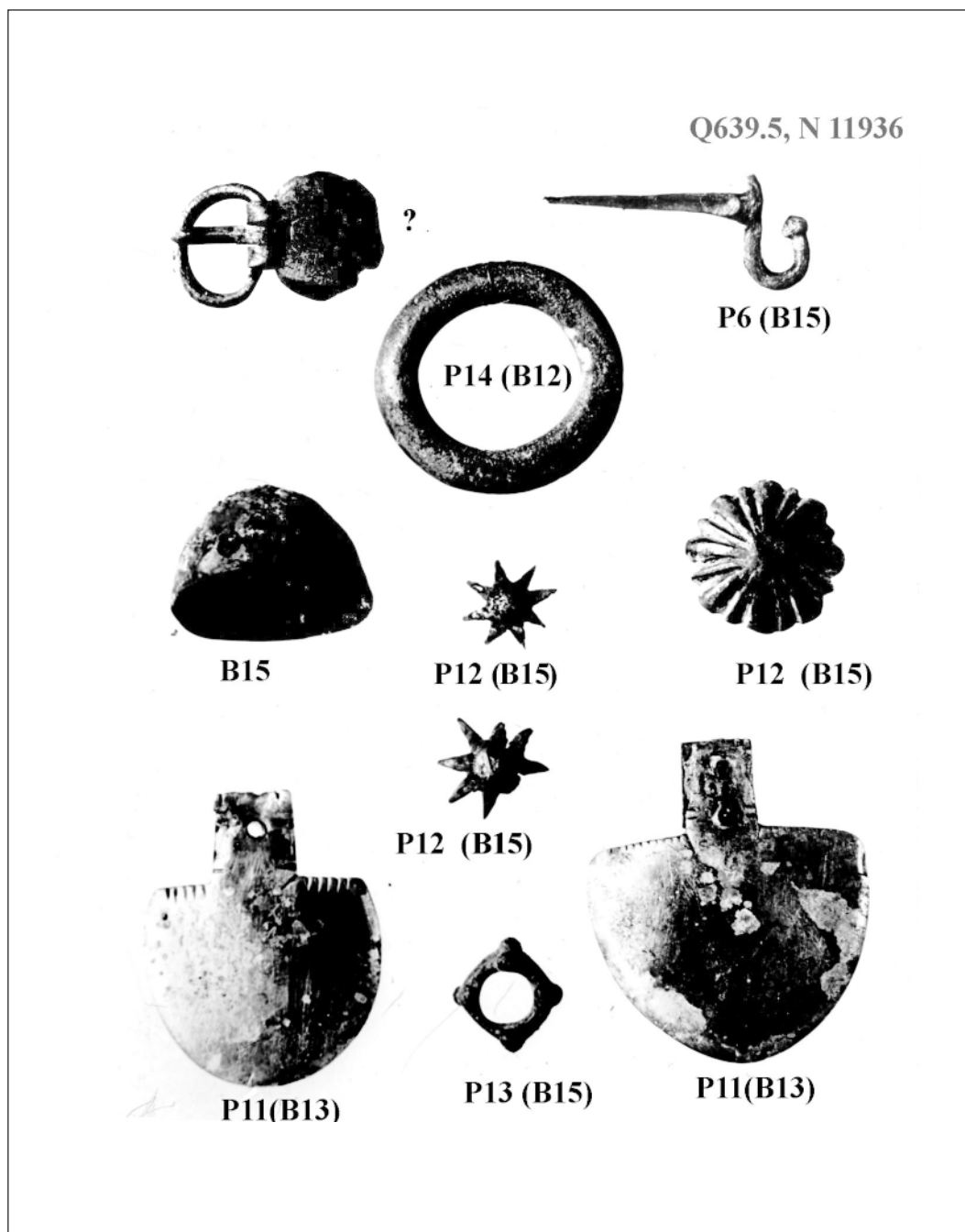

Рис. 7. Типы предметов конской упряжи из конских погребений первого кургана Васюринской горы. Номера даны: Р 6, Р 11, Р 12, Р 13, Р 14 (Ростовцев, 1914, таб. XVIII); В12, В 13, В 15 (Власова, 2004, рис. 12, 13, 15).

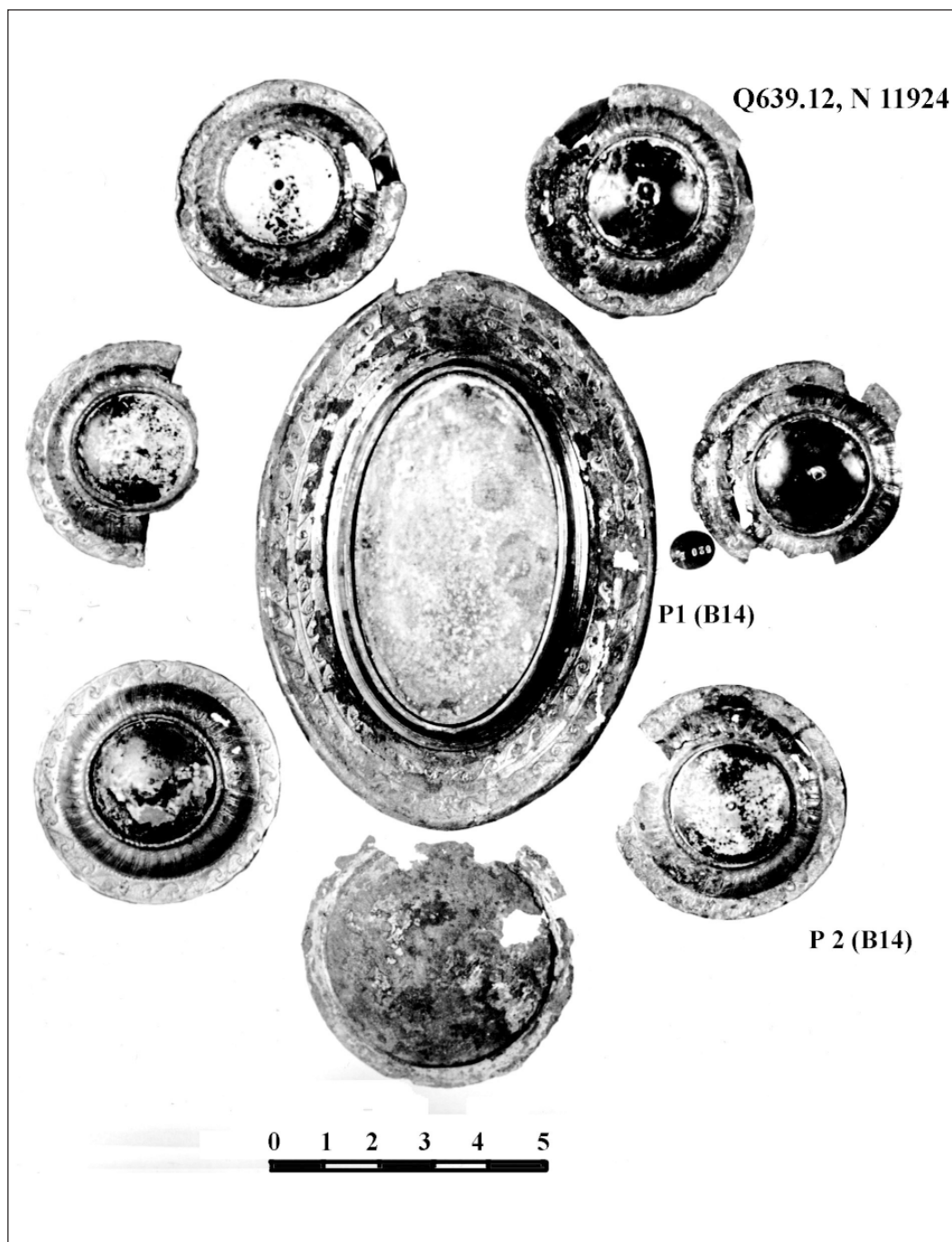

Рис. 8. Типы предметов конской упряжи из конских погребений первого кургана Васюринской горы. Номера даны: P 1, P 2 (Ростовцев, 1914, таб. XVIII); B 14 (Власова, 2004, рис. 14).

Рис. 12. Кольца с зажимами (ГЭ, № Вас. 13)

(конец II - первая пол. III в. н. э.)

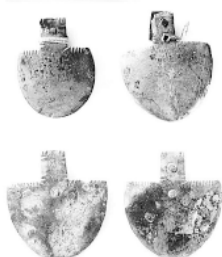

Рис. 13. Полуовальные бляхи с выступами (ГЭ, № Вас. 14)

(конец II - первая пол. III в. н. э.)

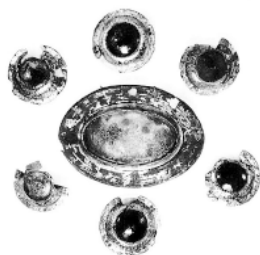

Рис. 14. Фалары со стеклянными вставками (ГЭ, № Вас. 15)

Рис. 10. Ворворка (ГЭ, № Вас. № 10)

(конец II - первая пол. III в. н. э.)

Рис. 15. Колокольчик (ГЭ, № Вас. 18)

(конец II - первая пол. III в. н. э.)

Рис. 15. Колпачок (ГЭ, № Вас. 19)

(конец II - первая пол. III в. н. э.)

Рис. 9. Инвентарь конского погребения № 1 первого кургана Васюринской горы. Номера даны: (Власова, 2004, рис. 10, 12-15).

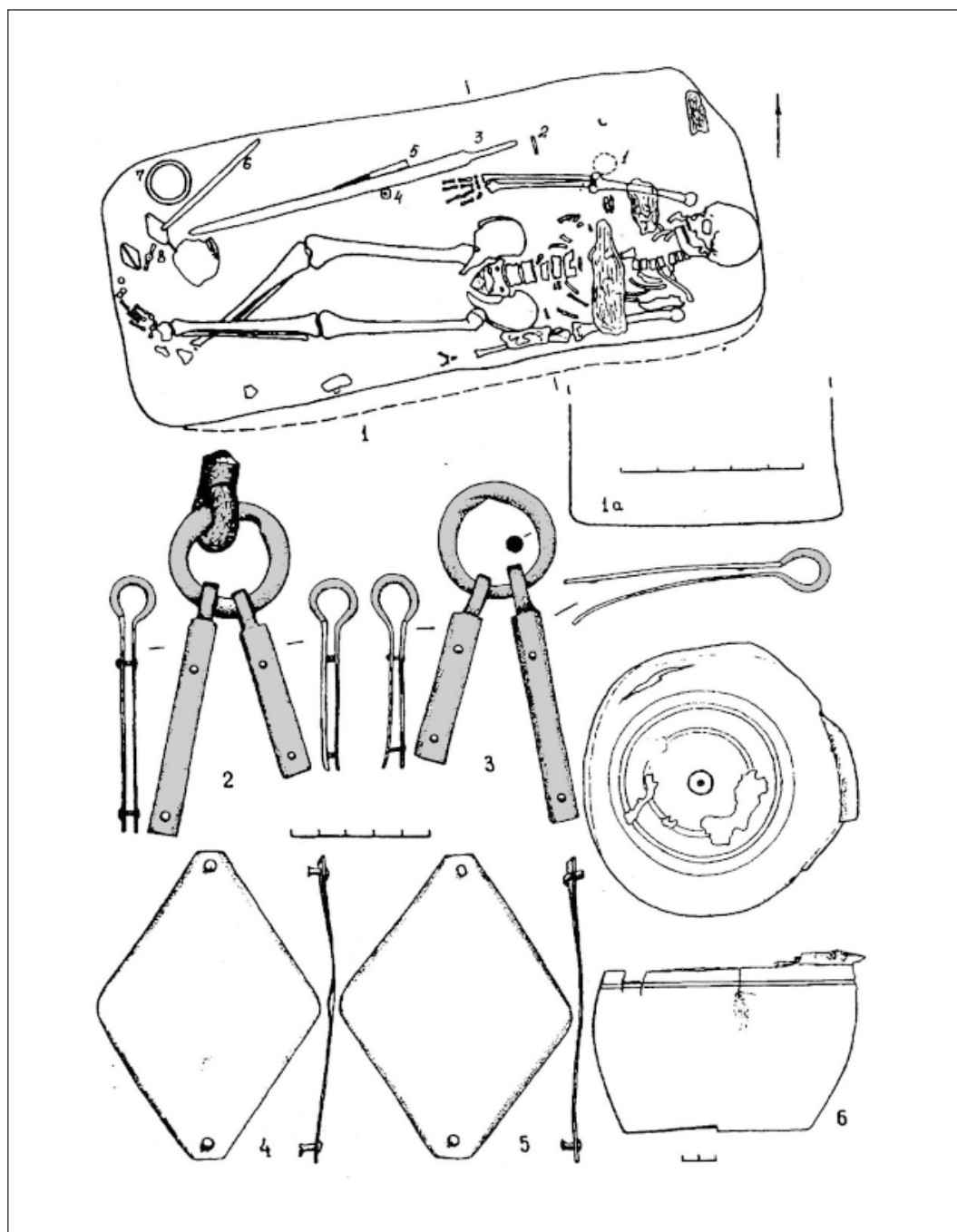

Рис. 10. Инвентарь и план погребения 1 кургана 12 Высочино VII.

1 – План погребения; 2-3 – кольца удил с зажимами; 4-5 – серебряные нащечники; 6 – бронзовый ковш; (Безуглов, 1997, рис. 1).

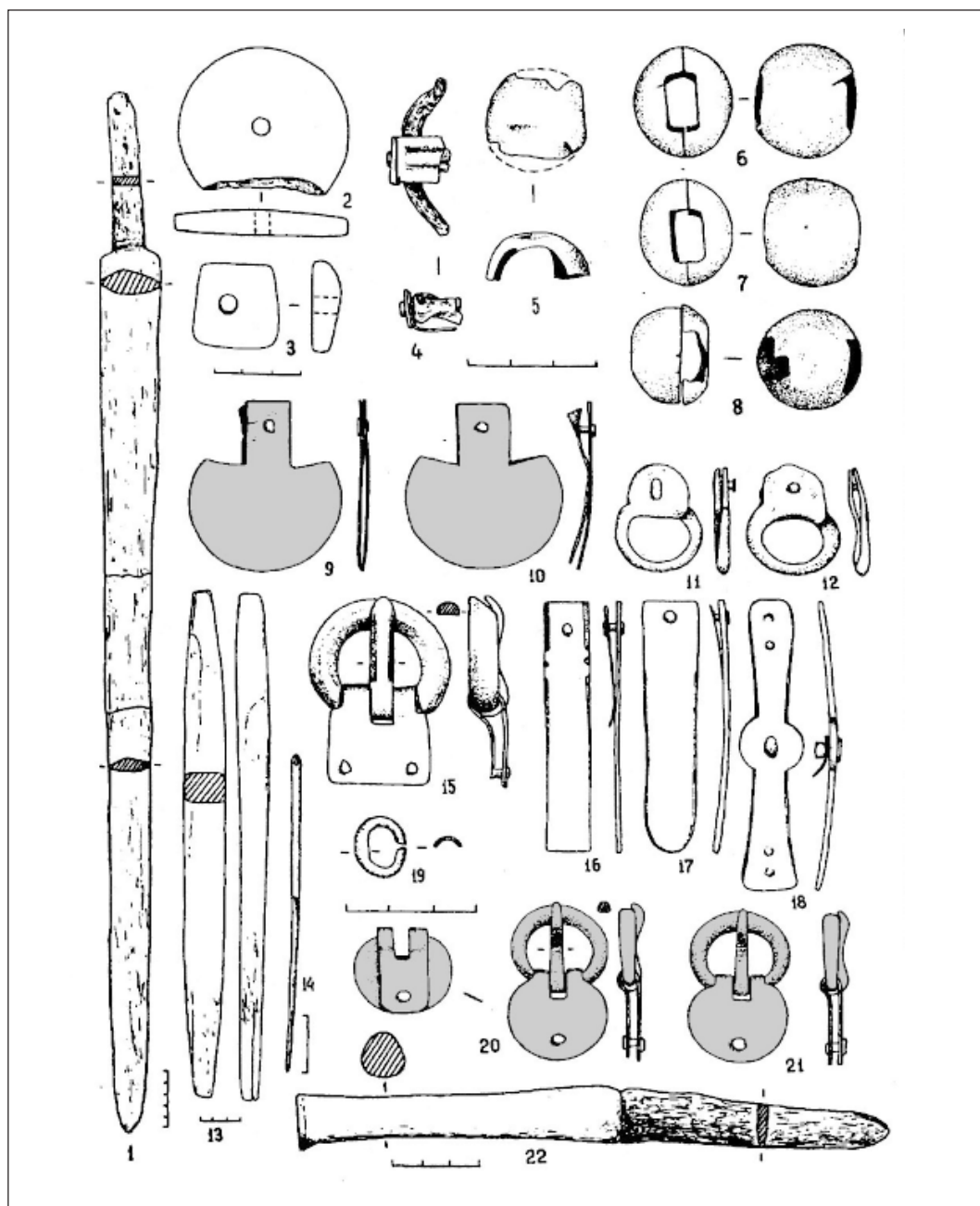

Рис. 11. Инвентарь и план погребения 1 кургана 12 Высочино VII.

1 – меч; 2 – навершие; 3 – бусина; 4 – остатки нагайки; 5-8 – уздечные бусы; 9-10 – подвески к уздечке; 11-12 – бронзовые пряжки; 13 – оселок; 14 – бронзовая игла; 15, 20-21 – серебряные пряжки; 16-17 – серебряные наконечники ремней; 18 – пропеллеровидная бляшка; 19 – серебряная обойма; 22 – нож с костяной рукоятью (Безуглов, 1997, рис. 2).

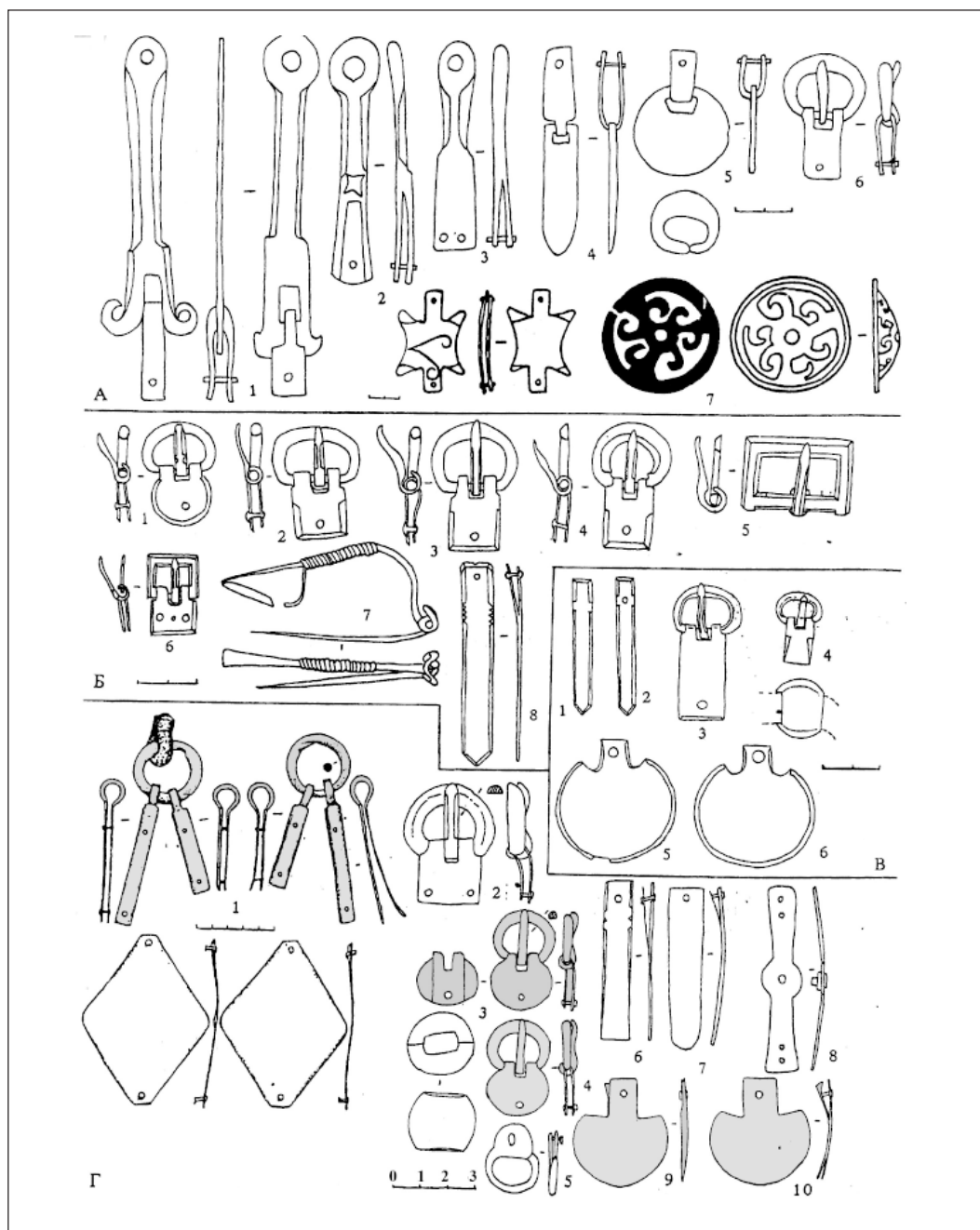

Рис. 12. Хронологическая группа IIa позднесарматской культуры по В. Ю. Малашеву (Малашев, 2000, рис. 4).

А – Котлубань, курган 2; Б – Ростов -на- Дону, курган 6; В – «Четыре брата», курган 3, погребение 6;
Г – Высочино VII, курган 12, погребение 1;

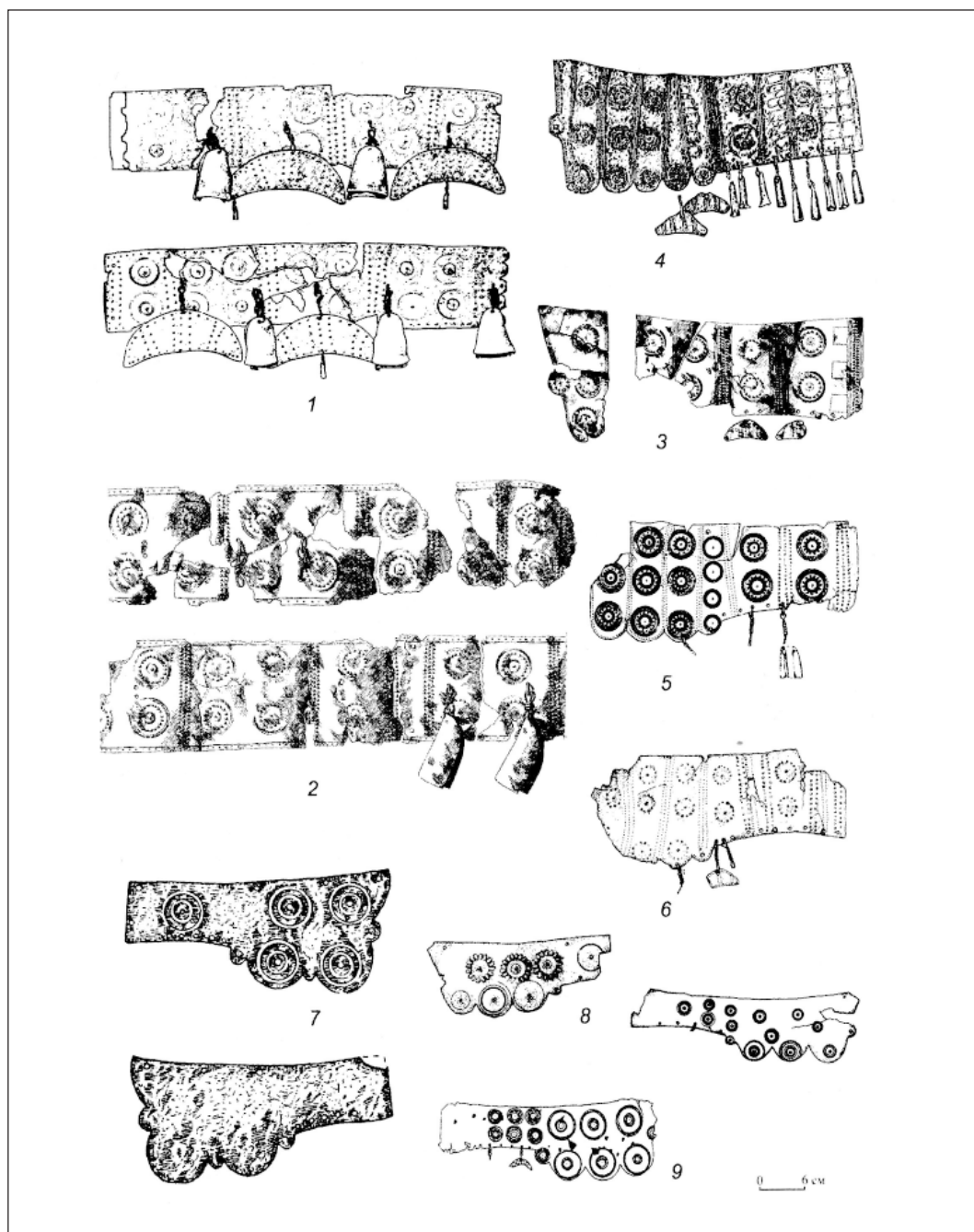

Рис. 13. Бронзовые пластины нагрудников эллинистического времени.

1 – Острый; 2, 3 – Васюринская гора; 4 – Тенгинский могильник; 5, 6, 8 – курган у станции Новолабинская; 7 – Никополь; 9 – склеп на Татарском городище (Симоненко, 2007, рис. 9).

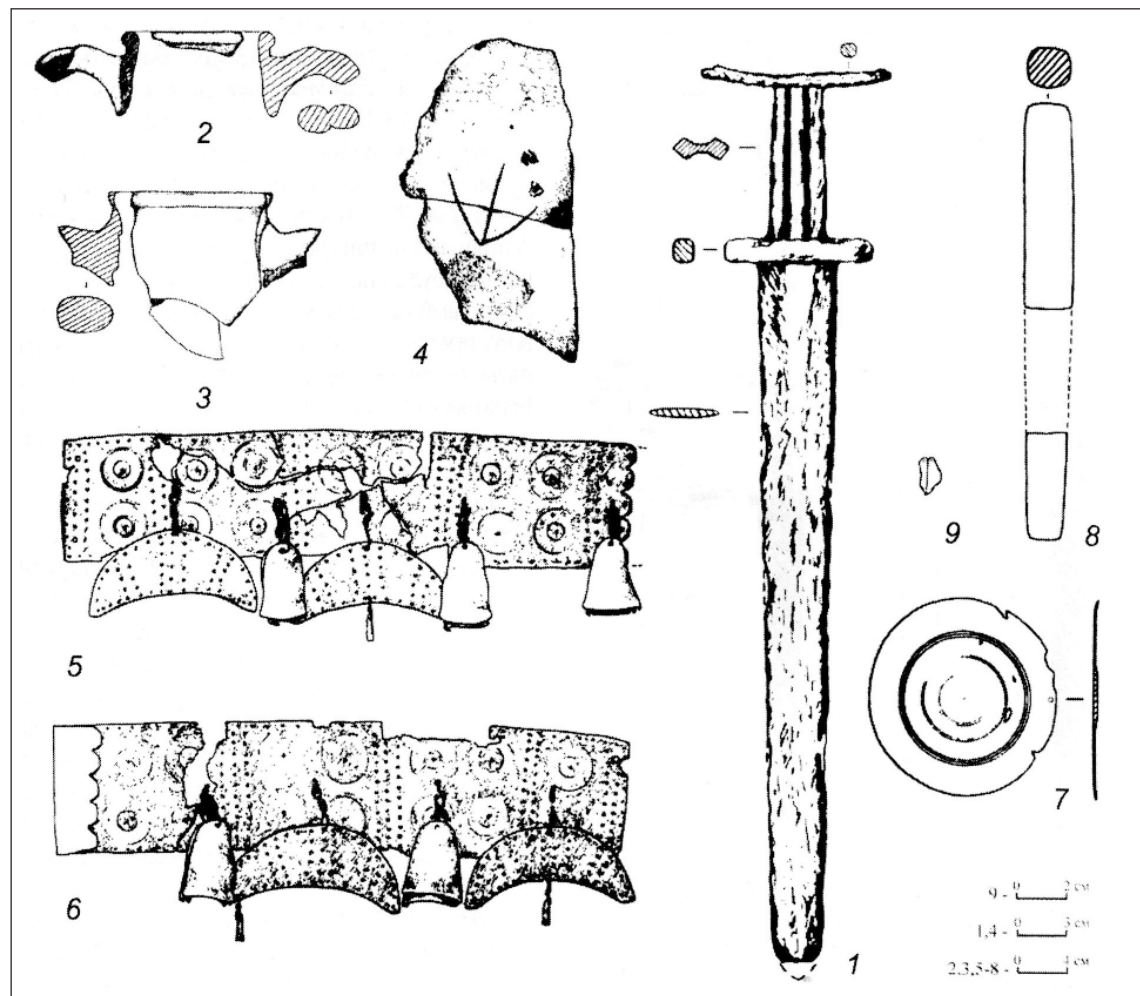

Рис. 14. Находки из насыпи кургана № 2 у пос. Острый (Симоненко, 2007, рис. 3).

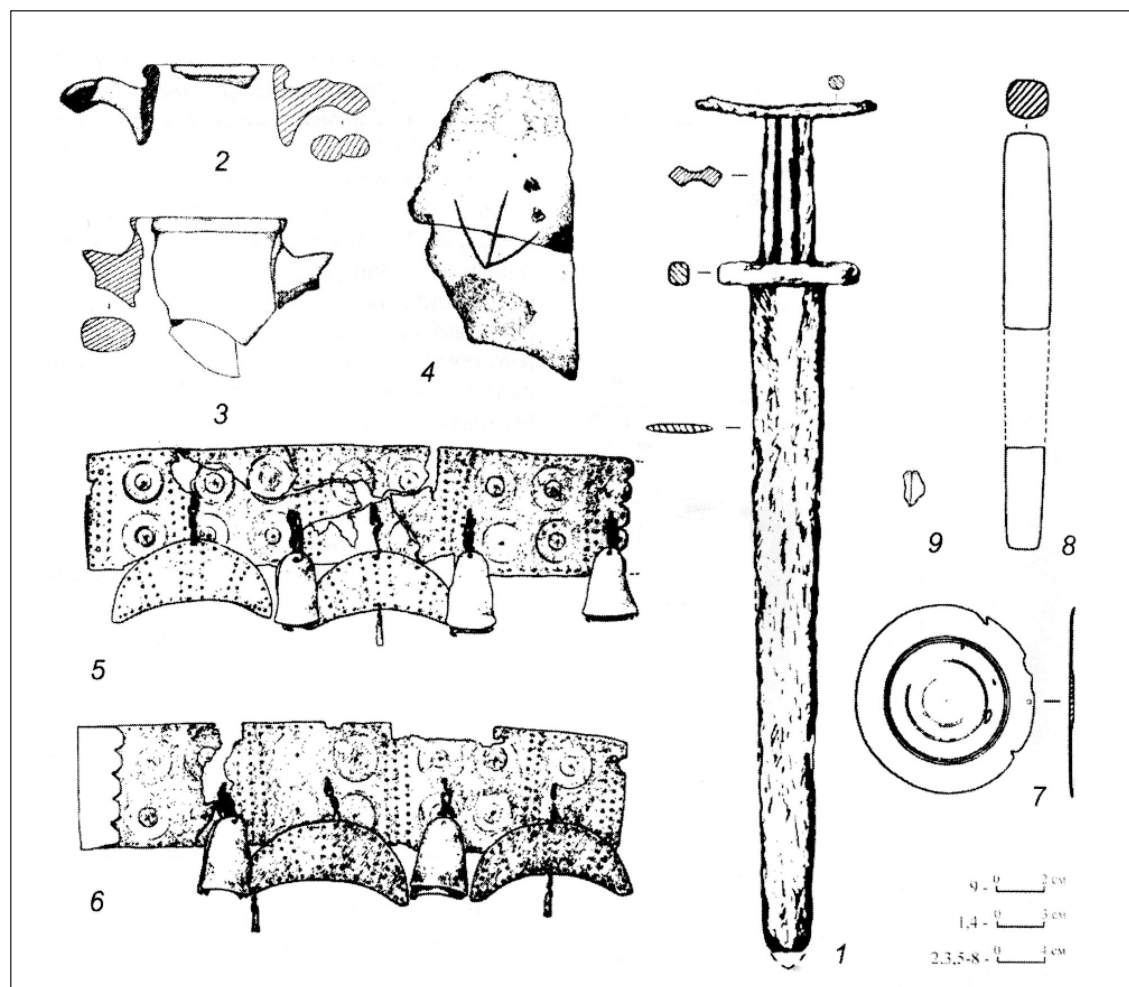

Рис. 15. Инвентарь конских погребений № 3 и № 4 первого кургана Васюринской горы. Номера даны: (Власова, 2004, рис. 9 -11).

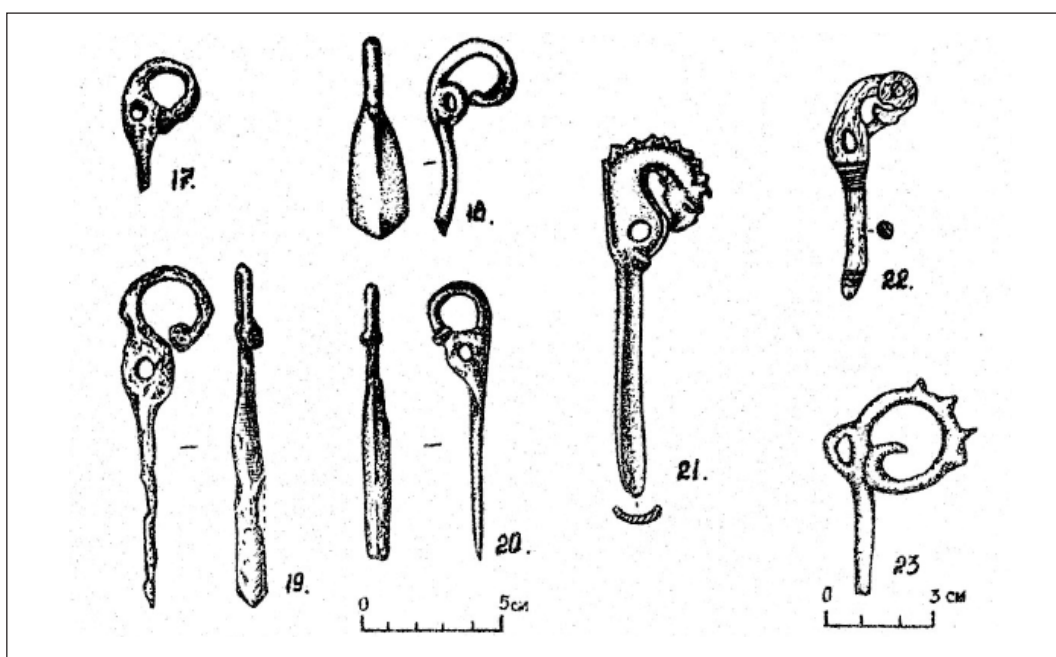

Рис. 16. Стержневидные налобники с крючком (Полин, 1992, рис. 8).

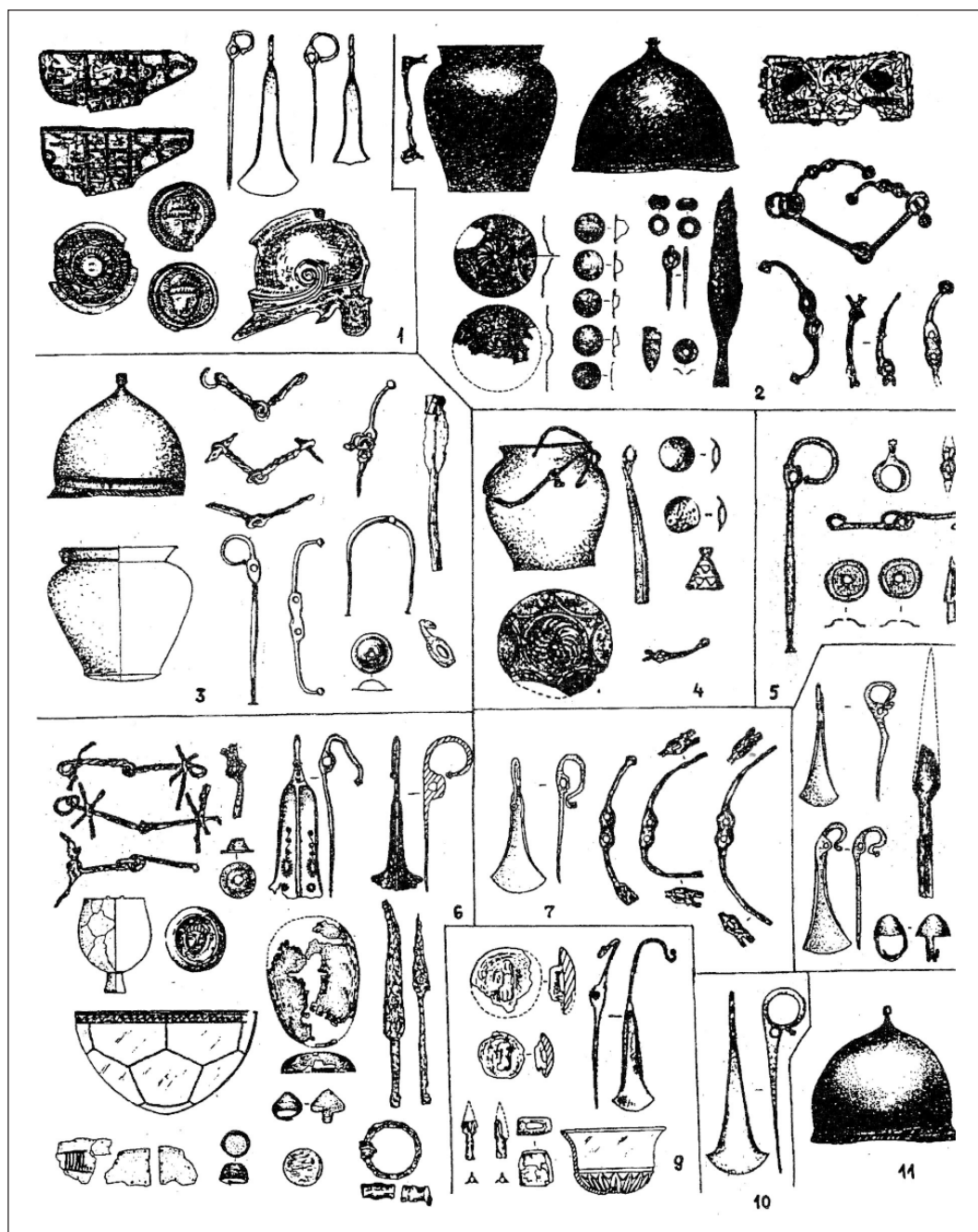

Рис. 17. «Клады» II-I вв. до н. э. (западная группа);

1 – Бобучь; 2 – Веселая Долина; 3 – Марьевка; 4 – Новые Бедражи; 5 – Бравичены; 6 – Великопоское; 7 – Нововасильевка; 8 – Снегиревка; 9 – Семеновка; 10 – Тараклия; 11 – Беленькое; (Симоненко, 2001, рис. 5).

Рис. 18. «Клады» II-I вв. до н. э. (восточная группа);

1 – Квашино; 2 – Антиповка; 3 – Клименков хутор; 4 – Новочеркасс; 5 – Сергиевская; 6 – Привольное; 7 – Мелитополь (Токмак – Могила); 8 – Новопрохоровка; 9 – Курганинск; 10 – Кисловодск; 11 – Ханкальское городище; 12 – Грушевская; 13 – Ахтанизовская; (Симоненко, 2001, рис. 6).